

AKI

KYPIEY

Aki Latus

Купец

«Автор»

2026

Latus A.

Купец / А. Latus — «Автор», 2026

Быть счетоводом в роду боевых магов — удел скучный и неблагодарный. Пока твои кузены жгут фаерболами семейное состояние, ты сидишь над ведомостями, пытаясь свести концы с концами. Именно так живёт Эмиль фон Канцлер — тихий, неприметный родственник, чья магия никогда не считалась нужной. Но когда казна оказывается пуста, а двадцатилетний контракт с родом Демидовых внезапно превращается в смертельную ловушку, Эмиль отправляется в столицу. Его цель — найти в старых бумагах лазейку, спасти род от разорения и выжить. В Империи, где магическое право суровее меча, а древние договоры хранят проклятия, способные превратить человека в марионетку, Эмиль неожиданно открывает в себе редкий дар. Он видит магическую вязь там, где другие видят лишь текст. Он чувствует скрытые условия. И он может не просто исполнять контракты — он может их переписывать. Теперь за ним охотятся наёмники, продажные судьи готовы вынести ему приговор, а могущественные враги не остановятся ни перед чем.

© Latus A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Дела домашние	5
Глава 2: Стекло и кровь	13
Глава 3: Дорога и учение уму-разуму	22
Глава 4: Анатомия договора	31
Глава 5: Контракт	39
Глава 6: Отчёт и перспективы	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Aki Latus

Купец

Глава 1: Дела домашние

Страницы тихо зашелестели. Я застыл с пером в пальцах, замершим над мокрым пятном, расплывшимся по ведомости. Прямо-таки очень тихая работа счетовода, всё как я мечтал... Раньше мне было под силу заполнять хоть девяносто восемь форм с закрытыми глазами и криками кузенов за стеклом. А что теперь? Обычная накладная на поставку рудного концентрата стала для меня войной, где я мечу не в победители. И вот уже который лист летит в корзину к своим неудачным копиям. — Ты так смотришь на неё, что мне кажется скоро она оживёт и отдаст тебе все свои деньги, лишь бы ты уговорился и оставил её в покое, — ворчливый голос в моей голове снова возник из ниоткуда. Кси решил не материализовываться, но даже так я почувствовал его незримое присутствие своим затылком. События в Тёмном лесу заставили наш контракт чуть расшириться. И, должен заметить, в очень неудобную для меня сторону, что я обнаружил не сразу. Теперь он видел и чувствовал больше, чем мне хотелось бы. Особенно в минуты моей уязвимости. На его подкол я лишь цыкнул, а после тихо добавил, вновь сосредотачиваясь на ведомости. — У тебя занятий больше нет что ли? Пока я вытаскивал чистый бланк мне пришла идея отправить Кси к Хагену. Но только я об этом подумал, как моя идея уже могла смело отправляться в корзину к остальным неудавшимся бумагам. — Этот сухарь заснул прямо в кресле, разбросав ведомости по полу... Последнюю букву он протянул с особенным наслаждением. И ведь явно улыбается... — Страница триста сорок помялась, м-м, какой же он будет злой, как он будет рвать на себе волосы, когда откроет свои глаза... Вот забава! Такой довольный, что аж слов нет. Да и спорить смысла с ним тоже нет. Он словно бы питается раздражением. Может в этом, действительно, что-то есть? Впрочем, не важно. Лучше сосредоточиться на том, чтобы вывести цифры идеально. Четыреста двадцать золотых от мануфактуры Шумахера, тысяча триста пятнадцать — от Воронцовых. Расход на кристаллы для тренировочного поля всего-то двести пятьдесят... Дьявол, Рихтер снова взял усиленные, хотя и обычные горят не хуже, а стоят в три раза меньше, но даже при таком раскладе чистая прибыль рода была весьма внушительной. Впервые за двадцать лет род Канцлеров вышел в твёрдый такой плюс и не висел над пропастью долгов. А я не прикидывал с дрожью в руках как долго ещё протянут рудники, не косился в ожидании судебных исков на почтовых соколов. И, что очень грело душу, именно я был к этому причастен. Хотя, казалось бы, совсем недавно ещё не мог добиться даже достойного к себе отношения. Но ни огонька, ни даже искры гордости сейчас не возникало. Незвестная тяжесть уже который день лежала на моих плечах и упорно не желала с них слезить. Я откинулся на спинку стула, потёр переносицу двумя пальцами. Тёмные круги под глазами, как утверждало мутное отражение в чернильнице, никуда не делись, даже наоборот — стали чуть глубже, чуть заметнее, будто кто-то взял и аккуратно пририсовал их углём, пока я спал. Хотя спал я в последнее время отвратительно, так что, может быть, организм просто сдался и решил официально закрепить за мной статус заморыша. Осознание медленно приходило: я ведь лишь выживал. Все мои трюки, победы были лишь для выживания. Как муравейник. Только тронешь его, разворошишь, а мелкие создания тут же понесутся тебе навстречу, чтобы защитить свой дом и выжить любой ценой. Так и я... Всё несусь. Зато теперь у меня была цель. Самая главная. МОЯ ЦЕЛЬ! Никем не навязанная. И сейчас она сидела внизу, в гостиной, читала брошюру о зимних розах. Лиза... Я закрыл глаза и воспоминания полились рекой. Возвращение из Торнвальда. Её распухшие губы, такие же воспалённые глаза. Как она тянула меня к себе... Не хотела, чтобы я снова исчез или, что ещё хуже, растворился, ушёл на

грань, откуда меня не спасёт даже Кси. Резко река памяти забрала меня из этого воспоминания и выбросила к другому. Ночь со свечой на подоконнике, скрип пола под её босыми ногами. А потом тихий, ломающийся голос сказал:

— Я думала, ты больше не придешь, Эмиль... Но я приехал. Вернулся. И теперь вопрос: "А что с этим делать дальше" стоял как никогда остро. Потому что для простолюдинки быть рядом с аристократом равно скандалу, сжигающему репутацию и её, и рода быстрее, чем проклятие седьмого круга. Так я теперь ещё и не просто аристократ. Актив Тайной канцелярии, внештатный сотрудник, маг контрактов с фамильяром-демоном, герой рода, владелец трёх мануфактур и весьма солидного состояния! Все мои звания и должности крутились в голове. Все мои действия рассматривались не то, что детально, буквально под лупой! А узнав о моих серьезных намерениях по отношению к ней... Её же просто затопчут, уничтожат, выпотрошат, чтобы не очернить род... — И снова твои мысли улетели в розовые дали с твоей ненаглядной, — Кси больше не улыбался, говорил без эмоций, как работники лаборатории, делающий одну и ту же работу каждый день, — биение твоего сердца на пятнадцать ударов в минуту увеличивается каждый раз, когда ты думаешь о ней. Это явно не просто так — Я знаю — Так чего ты сидишь? Так и будешь сидеть и смотреть на неё избитым щенком, делая вид, что всё нормально? Она ведь не глупая. А вот ты устроил здесь обитель тяжким дум и прокрастинации под куполом отрицания. Я молчу. Что мне тут сказать? Он ведь прав... Во всё прав!

ХВАТИТ. Ноги подняли меня из-за стола, тут же я поправил сюртук и вышел в коридор. Я должен был сделать это ещё месяц назад, но так и не сделал. Хватит уже откладывать. Мой шаг внезапно стал тверже, а Кси, наконец, замолчал, удовлетворённо хмыкнув, что уже можно было считать победой.

Комнаты, отведённые Адриану фон Хагену, располагались в восточном крыле — подальше от шумного полигона и поближе к библиотеке, которую бывший судья осваивал с энтузиазмом человека, дорвавшегося до воды после десяти лет в пустыне. Когда я толкнул массивную дубовую дверь и вошёл, меня встретил знакомый запах пыли, старой бумаги и яблочного пирога.

Последний был новшеством.

Хаген как-то обмолвился, что местная кухарка печёт их «почти как покойная жена», и с тех пор яблочный пирог в этом крыле подавали к чаю через день — то ли из милосердия, то ли из страха перед стариком, который умел так смотреть на человека, что тот сам себе подписывал обвинительный приговор.

Сам Адриан обнаружился в кресле у камина — ноги укутаны пледом, на коленях раскрытый том Имперского Устава, а на столике рядом — тарелка с недоеденным куском пирога и чашка давно остывшего чая. Он действительно, как и предсказывал Кси, задремал, но проснулся сразу же, едва скрипнула половица под моей ногой — старые инстинкты не ржавеют.

— Эмиль, — он снял очки, протёр их краем пледа и водрузил обратно на нос. Движения стали куда увереннее, чем в нашу первую встречу в той вонючей ночлежке, тремор почти исчез, а на щеках даже появился слабый румянец. — Проходи, мой мальчик, не стой на пороге, ты же не гонец с дурными вестями...? Или всё же гонец?

— Скорее проситель, — я прикрыл дверь и опустил в кресло напротив. — Адриан, мне нужна консультация. Не по магии контрактов и не по налоговым послаблениям. По Имперскому Уставу о Сословиях и Браке.

Фон Хаген замер ровно на секунду — а потом по его лицу расплзлась такая широкая, такая до неприличия понимающая улыбка, что мне захотелось провалиться сквозь пол, просочиться сквозь фундамент и закопаться где-нибудь в саду у Германа среди его драгоценных роз.

— Ага-а-а, — произнёс он мягко, почти ласково. — Значит, всё-таки решился.

— Ты знал?

— Мой мальчик, я был судьёй сорок лет. Я читаю людей быстрее, чем ты читаешь свои ведомости. Вопрос только в том, насколько далеко ты готов зайти и насколько хорошо ты понимаешь расстановку фигур на этой конкретной доске.

Он отложил Устав, потянулся к полке за другим томом — потрёпанным, в тёмно-бордовом переплёте с золотым тиснением, — и бережно раскрыл его на заложенной атласной лентой странице.

— Итак. Статья семнадцатая Имперского Устава о Сословиях и Браке, — Хаген откашлялся и начал читать вслух, явно наслаждаясь процессом, впрочем, я допускал, что это защитная реакция его сознания, старый судья почти никогда не улыбался без сарказма. — «Браки, заключаемые меж лицами благородного сословия, внесёнными в Имперский реестр дворянских родов, и лицами податного сословия, происхождения неблагородного, признаются недействительными с момента заключения, за исключением случаев, особо предусмотренных статьёй восемнадцатой сего устава». Слышишь эту формулировку, а? «Признаются недействительными». Не «запрещены». Не «наказуемы». Просто — недействительны, как если бы ты вовсе не женился, а так, сходил на пикник с невеждой. Улавливаешь разницу?

Я кивнул, чувствуя, как где-то под рёбрами начинает формироваться холодный, колючий комок.

— Статья восемнадцатая, — продолжил Хаген, перевернув страницу. — «Исключения из запрета, установленного Статьёй семнадцатой, допускаются в нижеследующих случаях: Первое — добровольное разжалование благородного лица, сопряжённое с отказом от титула, всех привилегий состояния дворянского и исключением из Имперского реестра; либо Второе — основание благородным лицом нового дворянского рода, с предоставлением сему новому роду прав состояния, равных прочим, и последующее возведение супруга либо супруги в дворянское достоинство через включение одного лица в новый род в качестве сооснователя». И всё, мой мальчик. Третьего, как любили говаривать наши предки, не дано.

В комнате повисла тишина. Часы на каминной полке отсчитывали секунды с методичностью опытного палача на рассвете, и я вдруг понял, что Хаген смотрит на меня не с сочувствием — с профессиональным интересом, как смотрит хирург на сложный, почти безнадёжный случай, который тем не менее бросает вызов его мастерству.

— Разжалование отпадает, — сказал я вслух, и от звука собственного голоса стало немного легче — будто констатировал очевидное и тем самым лишил его силы. — Если я теряю титул и привилегии, род Канцлеров остаётся без меня. И как активу тайной канцелярии, фон Бок немедленно найдёт способ напомнить, что контракт есть контракт и заберёт меня к себе. К тому же, Лиза в таком случае всё равно останется простолюдинкой, только теперь ещё и привязанной к нищему безродному мужу. Это путь в никуда.

— Bravo, — Хаген чуть склонил голову, — ты мыслишь как юрист, а не как влюблённый дурак, это уже половина успеха. Остаётся второй вариант.

— Основание нового рода.

— Именно!

Я встал и прошёлся по комнате, обогнув стопку судебных протоколов, висевшую у стены, собранную словно башня из пыльных кирпичей. Новый род. Это звучало почти как насмешка — я, человек, который всего пару месяцев назад не мог выбить у собственного кузена за стеклом даже на уровне «здороваться не плюя на пол», теперь должен создать отдельную династию, с собственным гербом, реестром и правами.

— Условия? — спросил я, останавливаясь у окна.

За стеклом клубился серый, промозглый туман — осень вступила в права и теперь неспешно пережёвывала последние тёплые дни, как корова жвачку.

— Три условия, — Хаген загнул палец. — Первое: экономическая состоятельность. Ты должен внести в Имперскую казну залог, подтверждающий, что новый род не станет бременем

для государства и не будет кланяться подачки. Сумма зависит от ранга — для баронского рода это примерно двадцать тысяч золотых, внесённых единовременно и подтверждённых гномьим банком. У тебя, насколько я понимаю, есть три мануфактуры, доля в рудниках и контракт с Воронцовыми. Двадцать тысяч ты соберёшь, если продашь что-то из активов и чуть уймёшься в расходах на год-другой.

— Уже легче, — пробормотал я, хотя лёгкого было мало: двадцать тысяч — это почти вся ликвидность, которую я накопил за эти месяцы, и расставаться с ней вот так, одним махом, было... скажем так, непривычно для человека, который привык считать каждую серебрушку.

— Второе, — Хаген загнул следующий палец. — Рекомендация. Три действующих главы аристократических родов должны письменно подтвердить, что ты — лицо благонадёжное, честь аристократии порочить не намерен, а посему они, так уж и быть, согласны принять тебя в свой узкий круг избранных. Без этого — никак.

— Канцлеры дадут рекомендацию, — я пожал плечами. — Дядя подпишет не глядя, особенно после всего, что случилось.

— Канцлеры — одна, — Хаген покачал головой, и в его глазах мелькнула тень. — Тебе нужны две другие. Не связанные с твоим родом кровными узами или вассальными обязательствами. Независимые. А теперь подумай, Эмиль: кто из аристократов даст рекомендацию выскочке-счетоводу, который публично уничтожил род Демидовых? Даже если они Демидовых терпеть не могли — ты показал пример, что один человек с магией контрактов может обрушить целую династию, укоренённую в имперской экономике как сорняк в огороде. Они будут бояться тебя. А страх — плохой фундамент для дружбы.

Я смотрел в окно на серый туман и считал про себя до десяти, чтобы не выругаться вслух. На счёте «семь» Кси в голове понимающе хмыкнул и заметил:

— Старик дело говорит. Аристократы — стая шакалов, они чувствуют страх и чужую слабость, но ещё сильнее они ненавидят тех, кто ломает правила игры, которым они поклонялись веками. Ты для них — аномалия. Ходячее исключение из законов магии и социума. С какой стати им подписывать тебе рекомендацию?

— Есть ещё третье условие, — напомнил я вслух, обращившись к Хагену.

— Да, — тот вздохнул, и я вдруг увидел, что ему неудобно — по-настоящему неудобно, как бывает с человеком, который вынужден сообщить плохую новость и знает, что она ударит по собеседнику. — Третье условие — это три заслуги перед Империей. Не просто заслуги, Эмиль. Признанные лично Императором. Или, как вариант, колоссальное пожертвование в казну, размером примерно с бюджет небольшого графства плюс одна весомая заслуга. Понимаешь, к чему я клоню?

— Понимаю, — медленно произнёс я, и комок под рёбрами стал ледяным.

— Заслуги перед Империей не раздают за разбор архивов и даже за разоблачение культа Хранителей Крови, — Хаген закрыл фолиант и погладил обложку старыми, но уже не дрожащими пальцами. — Фон Бок, конечно, может замолвить за тебя слово, но он — глава Тайной канцелярии, а не личный секретарь Императора. Его резолюция будет учтена, но не заменит официального признания. Тебе придётся совершить что-то действительно значимое. Что-то, что заставит Императора лично взглянуть на твои бумаги и сказать: «Да, этот человек стоит нового рода».

— Например, выиграть войну, — раздалось из угла комнаты, и в воздухе материализовался Кси — на этот раз в полный рост, во всём своём четырёхруком, четырехглазом, седовласом великолепии, заполнив собой добрую треть помещения и заставив Хагена вздрогнуть так, что чашка на столике опасно звякнула.

— Ты не мог бы предупреждать, когда собираешься вылезать?? — проворчал старый судья, поправляя очки.

— Не мог бы, — отрезал Кси с той особой, ленивой надменностью, которая была его фирменным стилем. — Я древний магический контракт, обретший самосознание, а не комнатная собачка, чтобы стучать хвостом перед появлением. Итак, парень, ты хочешь жениться на своей горничной — точнее, на девушке, которая работает горничной, что в глазах света почти одно и то же, — так вот я говорю: забудь про залоги и рекомендации. Всё это — пыль на сапогах завоевателей, бумажки, которые придумали тыловые крысы вроде этого старика, чтобы оправдать собственное существование, не имея ни капли магии смерти в крови.

Хаген побагровел, но смолчал — кажется, из чистого профессионального любопытства.

— Настоящий способ получить признание, — продолжал Кси, сложив все четыре руки на мощной груди и сверкая глазами, в которых плясали отблески далёких, давно погасших звёзд, — это война. Я уже говорил тебе, но повторю для этого старого бумажного червя: один из моих создателей, Аларик Молчаливый, маг смерти, равных которому не рождалось уже тысячу лет, лично вёл легионы Империи против северных варваров, когда те вздумали перейти Обледелый хребет. За одну кампанию — одну, ты слышишь?? — он получил титул, земли, право основать три новых рода от своего имени и плюс к тому — личную аудиенцию у тогдашнего Императора, где они пили вино из черепов поверженных вождей. Война — это единственный контракт, который признают все, от последнего крестьянина до первого советника. Контракт, подписанный кровью, и в нём нет пунктов, набранных мелким шрифтом.

— Bravo, — Хаген медленно, раздельно захлопал в ладоши, и хлопки эти прозвучали как удары судейского молотка по столу. — Блестящая речь. Пафосная, архаичная, возмнившая себя полководцем и дурно влияющая на подрастающее поколение. Скажи мне, о великий демон контрактов, — ты хотя бы представляешь, сколько времени прошло с тех пор, как твой Аларик Молчаливый крушил варваров на Обледелом хребте?

— Какая разница, если принцип не изменился? — Кси оскалился, демонстрируя зубы, которых во рту у него было чуть больше, чем положено человеческой анатомией.

— Такая, что с тех пор Империя трижды меняла военный устав, дважды переписывала реестр дворянских родов и единожды — полностью перекроила систему признания заслуг, — отчеканил Хаген, поднимаясь с кресла и оказываясь на две головы ниже фамильяра, но ни капли не теряя в достоинстве. — Сейчас, чтобы получить признание за военную кампанию, нужно пройти через Военный Департамент, согласовать действия с Имперским Штабом, получить резолюцию минимум трёх генералов — и только потом твоя заслуга попадёт на стол к Императору, где её будут рассматривать ещё полгода, если не год. Это не эпоха Аларика, когда можно было прискакать с мечом в одной руке и головой врага в другой, и тебе тут же выдавали графство. Сейчас всё решает бюрократия.

— Бюрократия! — Кси всплеснул всеми четырьмя руками, и в воздухе запахло озоном. — Вот куда вы загнали величие Империи! В бумажки, формуляры и согласования! Да твой Устав, старик, — это гнилая подпорка для прогнившей системы, которая рухнет при первом же хорошем ударе, а вы всё продолжаете перекладывать бумажки с места на место, думая, что это спасёт вас от хаоса!

— По крайней мере, мои бумажки не предлагают юноше с тремя мануфактурами идти воевать неизвестно с кем, чтобы потом предъявить голову неизвестно кому, — парировал Хаген, и голос его зазвенел сталью. — Я не против войны как концепции. Я против идиотизма, обёрнутого в красивую фразу.

Они стояли друг напротив друга — древний демон-контракт в теле четырёхрукого гиганта, и сухонький старик с Имперским Уставом под мышкой, — и воздух между ними потрескивал так, что волосы на затылке начинали шевелиться, будто живые.

— Хватит.

Я сказал это негромко, но оба замолчали и повернулись ко мне. Может, в голосе прорезалось что-то от Кси, а может, просто сработала та самая магия контрактов, которая, как я

начинал подозревать, влияла не только на бумагу, но и на людей, но в комнате вдруг стало очень тихо. Часы на камине перестали тикать. Пламя в камине замерло на секунду, прежде чем продолжить плясать.

— Я услышал оба варианта, — я обвёл взглядом сначала Хагена, потом Кси, и мне показалось, что в четырёх глазах фамильяра промелькнуло что-то похожее на уважение. — Залог и патенты — это медленный путь. Война — быстрый. Я не выбираю ни один из них прямо сейчас. Я собираюсь обдумать всё это, взвесить и составить план. Но для начала, Адриан, ответь мне на один вопрос.

— Спрашивай, мой мальчик. — Хаген вернулся в кресло и снова стал похож на старого доброго наставника, только в глазах ещё догорали отблески недавней перепалки.

— Был ли в истории Империи хотя бы один прецедент, когда аристократ успешно основал новый род ради брака с простолюдинкой?

Хаген замолчал. Снял очки. Протёр их особенно тщательно, будто от чистоты линз зависело то, что он собирался сказать.

— Был, — тихо произнёс он. — Сто лет назад. Барон Шталь. Женился на дочери кузнеца из какого-то захудалого городишки на восточной границе. Основал новый род — формально всё чисто, все три условия выполнил почти без помарок, даже заручился рекомендациями трёх баронов с соседних земель, которые были должны ему денег.

— И что случилось?

— Его бойкотировали. Не сразу, не в открытую — аристократы никогда не действуют в лоб, если можно удавить шёлковым шнурком за закрытыми дверями. Сначала перестали приглашать на приёмы. Потом — исключили из торговых гильдий. Поставщики разорвали контракты, ссылаясь на «непредвиденные обстоятельства». Его дети — а у него их было трое — не смогли найти партии, ни одной, хотя приданое предлагалось вполне приличное. Род угас во втором поколении — дочери ушли в монастырь, сын спился и погиб на дуэли с каким-то заезжим наёмником. Поместье отошло кредиторам, а герб Шталей вычеркнули из реестра как «несостоятельный».

Я молчал. Комок под рёбрами стал свинцовым, он больше не давил — он тянул вниз, к земле, как будто кто-то привязал к сердцу чугунную гирю и с интересом наблюдал, сколько я продержусь.

— Тебя будут душить, — резюмировал Хаген, глядя мне прямо в глаза, и в его голосе не было ни осуждения, ни сочувствия — только усталая правда. — Не потому, что ты плох. Не потому, что нарушаешь закон. А потому, что ты посмел. Ты — выскочка, счетовод, человек, который раздавил Демидовых их же методами, и теперь каждый аристократ в Империи знает твоё имя. Они боятся тебя, Эмиль, и ровно поэтому, когда ты объявишь о намерении основать новый род... они вспомнят барона Шталя. И сделают всё, чтобы повторить тот сценарий.

— Кроме одного, — произнёс я, и сам удивился тому, насколько спокойно прозвучал мой голос. — У барона Шталя не было Тайной канцелярии за спиной.

Хаген моргнул. А потом медленно, очень медленно кивнул:

— Это аргумент. Но даже фон Бок не всемогущ мой мальчик. Его влияние заканчивается там, где начинается личная воля Императора.

— Значит, осталось только дойти до Императора.

Кси за моей спиной издал звук, похожий на смех, — низкий, рокочущий, как далёкий гром, в котором слышалось что-то доисторическое, почти звериное:

— Вот теперь я узнаю своего контрактора. Давно пора было перестать рефлексировать и начать действовать!

Поздним вечером, когда поместье затихло и даже вездесущий Рихтер перестал гонять стражу по полигону, я поднялся в свои покои и обнаружил Лизу.

Она сидела в кресле у окна, поджав ноги и укутавшись в старый плед, который я помнил ещё с детства, — его вязала матушка, когда отец был жив и наш род ещё не висел на волоске над пропастью. На столике рядом дымились две чашки чая и тарелка с ванильными булочками — Лиза осваивала кухню с упорством, достойным боевого мага, и, надо сказать, результаты уже превосходили всё, на что была способна местная кухарка.

— Ты долго, — сказала она, не оборачиваясь, и в голосе её не было упрёка — просто констатация факта, мягкая, как тот самый плед на её плечах. — Я уже думал послать за тобой Германа, но вспомнила, что он вряд ли оторвётся от своих роз.

— Прости. Разговор с Хагеном затянулся. А потом этот... — я замялся, подбирая слово, — ...демон решил, что без его мнения невозможно обойтись.

— Кси? — Лиза наконец повернулась, и свет свечи мягко очертил её лицо — глаза цвета весеннего неба, пухлые губы, слегка растрёпанные светлые локоны, которые она всегда заправляла за ухо, когда волновалась. — Он опять предлагал тебе идти воевать?

— Ты знаешь о наших разговорах?

— Я знаю тебя, — она пожала плечами, и в этом жесте было столько простого, спокойного понимания, что я почувствовал, как комок под рёбрами начинает понемногу рассасываться. — Ты в последнее время всегда возвращаешься от Хагена с таким лицом, будто тебе только что огласил приговор, а потом долго сидишь и смотришь в одну точку. А когда в твоей голове говорит Кси, у тебя левый глаз чуть дёргается.

— Правда?

— Правда. Садись уже, чай стынет.

Я сел. Взял чашку. Сделал глоток — чай был именно той температуры, которую я любил: горячий, но не обжигающий, с капелькой мёда и ломтиком лимона. Лиза помнила. Она вообще помнила все эти мелочи, которые обычно теряются в суете дней, — как я люблю чай, с какой стороны класть перо на столе, в какой день недели Шумахер присылает отчёты и когда лучше не подходить с вопросами.

— Я должен тебе кое-что рассказать, — произнёс я, ставя чашку на блюдце. — И это будет долгий, сложный разговор. С кучей юридических терминов и... перспективами, от которых у меня самого волосы шевелятся.

Лиза отставила свою чашку и развернулась ко мне всем корпусом.

— Говори.

И я рассказал.

Всё, без утайки и без попыток сгладить острые углы: о Статьях семнадцатой и восемнадцатой, о трёх условиях — залоге в двести тысяч, трёх рекомендациях и трёх заслугах перед Империей. О бароне Штале, чей род увял, как те засохшие розы в кабинете Германа. О Хагеновском предупреждении про «удушение». О Кси, который предлагал быстрый путь через войну, и о том, что этот путь — тоже не гарантия, а скорее ставка на красное в рулетке, где крупье — сама судьба и у неё на рукаве краплёные карты.

Она слушала меня молча — только пальцы нервно перебирали край пледа, и этот жест был единственным, что выдавало её волнение. Когда я закончил, в комнате повисла тишина — тягучая, плотная, как тот туман за окном.

— Значит, это всё же возможно? — спросила Лиза, и я услышал в её голосе что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

Не страх. Не отчаяние. Надежду — осторожную, хрупкую, как первый лёд на луже, но всё-таки надежду.

— Да, — ответил я. — Если действовать по плану.

— Тогда план — это именно то, что нам нужно.

Она вдруг встала, подошла к моему столу — тому самому, где ещё утром я мучил ведомости и плодил кляксы, — взяла чистый лист бумаги и вывела своим аккуратным, почти каллиграфическим почерком:

«План основания рода. Пункт первый: Залог».

Без магии. Без печатей и кровавых подписей. Просто лист бумаги и двое людей, которые решили, что отступать некуда.

Я смотрел на этот лист, и что-то внутри меня медленно, неотвратимо вставало на место, как вправленный сустав. Вот так это и делается, Канцлер. Не подписью кровью на древнем пергаменте, не магией контрактов и не интригами за спиной у врагов. А простым решением — взять и начать. С пункта первого. С самого начала.

Лиза вернулась в кресло, и я впервые за долгое время заметил в уголках её губ что-то похожее на улыбку — ту самую, от которой моё сердце пропускало удар, чтобы потом пуститься вскачь как бешеное.

— Ты сумасшедшая, — выдохнул я.

— Я в курсе, — парировала она. — Поэтому я здесь.

Ночь накрыла поместье тишиной. Лиза уснула в кресле, так и не выпустив край пледа из пальцев, и я осторожно укрыл её вторым, принесённым из спальни, а сам сел обратно за стол, к разложенным бумагам.

Лист с заголовком «План основания рода» лежал передо мной, девственно-чистый под первым пунктом, и требовал продолжения.

— В этой девочке больше решимости, чем в тебе, парень, — произнёс Кси, и в его мысленном голосе, против обыкновения, не было ни тени сарказма. Только усталое, почти отеческое одобрение. — Береги её. Такие, как она, рождаются раз в столетие, и обычно их сжигают на кострах или выдают замуж за старых герцогов, где они увядают, так и не показав миру своих зубов.

— Я уберегу, — мысленно ответил я, глядя на спящую Лизу и чувствуя, как где-то в груди разливается странное, почти забытое тепло. — И сделаю всё, чтобы этот план сработал.

— Тогда не будем терять время. Пункт второй, — хмыкнул Кси, — я предлагаю назвать «Поиск трёх идиотов, которые согласятся дать рекомендацию выскочке со скандальной репутацией». У тебя есть идеи?

— Есть, — я взял перо и наконец-то вывел под заголовком несколько строк, уже без клякс, — но об этом мы подумаем завтра. А сейчас дай мне просто посидеть в тишине.

Кси фыркнул и растворился где-то на задворках сознания, оставив после себя слабый запах гари и серебряного тумана. Я же откинулся в кресле и закрыл глаза, позволяя себе редкую, почти неприличную роскошь — просто быть здесь и сейчас, не рефлексирюя, не планируя и не ожидая удара из темноты.

В камине потрескивали дрова. Лиза тихо дышала во сне. Где-то вдалеке Рихтер, кажется, опять гонял ночную стражу, но звук был едва слышен, приглушённый толстыми стенами старого особняка.

Обратного пути не было.

И, странное дело, меня это больше не пугало.

Глава 2: Стекло и кровь

Утро дня, который должен был изменить всё, началось до отвращения буднично — с холода, пробравшегося под одеяло, и настойчивого стука в дверь. Карл, старый дворецкий, державшийся за своё место зубами даже тогда, когда казна пустела быстрее винной бочки на солдатской пирушке, принёс поднос с чаем и тостом, а заодно — свежую ведомость от Шумахера, которую тот прислал с ночным курьером.

— Доброе утро, господин Эмиль, — проскрипел он, ставя поднос на прикроватный столик и косясь на мой рабочий стол, заваленный бумагами. — Осмелюсь доложить, ваш дядя просил передать, что ужин сегодня ровно в семь, и он ожидает всех членов семьи в полном составе. Включая вас и Рихтера.

Я потёр лицо ладонями, прогоняя остатки сна. В голове ещё плавали обрывки какого-то дурацкого сновидения — кажется, мне снилось, что я подписывал бесконечную ведомость, которая всё удлинялась и удлинялась, а чернила в чернильнице никак не кончались.

— Спасибо, Карл. Скажи дяде, что я буду.

— Непременно. И ещё... — старик замялся в дверях, что было на него совершенно не похоже — Карл служил ещё при отце и обычно не мялся, а рубил правду-матку, как заправский сержант. — Лизетта просила передать, что ваша парадная сорочка выглажена. И что она будет ждать вас в малой гостиной за час до ужина.

В груди что-то ёкнуло и пропустило удар.

— Спасибо, — повторил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Карл кивнул и исчез за дверью, оставив меня наедине с чаем, тостом и тем самым свинцовым комком, который в последние недели прописался где-то между сердцем и желудком.

Сегодня. Это случится сегодня.

Я взял чашку, сделал глоток — чай был чуть горячее, чем обычно, но я даже не поморщился. Мысли скакали, как бешеные белки в колесе, перебирая аргументы, которые я выстроил за эти дни. Хаген помог мне отточить формулировки до бритвенной остроты, мы всех их пропетитировали трижды, и каждый раз старый судья находил новую дыру в моей логике, которую мы латали вместе, как старую крышу перед грозой.

Гроза и должна была грянуть сегодня.

Остаток дня прошёл в каком-то сюрреалистическом тумане. Я пытался работать — разбирал отчёты, писал письмо Воронцовым насчёт отсрочки одного из платежей, — но строчки плыли перед глазами, а цифры складывались в дурацкие комбинации, не имевшие никакого отношения к бухгалтерии. В пять пополудни я сдался, отодвинул бумаги и отправился в малую гостиную.

Лиза ждала меня там.

Она стояла у окна в своём форменном платье горничной — тёмно-сером, строгом, с белым передником, — но сегодня оно сидело на ней как-то иначе, словно она сама стала чуть выше, чуть прямее, будто какая-то невидимая нить натянулась внутри неё от макушки до пят. Светлые локоны были убраны в тугой пучок на затылке — не осталось ни одной выбившейся пряди, — и только пальцы, нервно перебиравшие складку передника, выдавали её волнение.

— Ты пришёл, — сказала она, оборачиваясь, и в её голосе прозвучало облегчение, от которого у меня что-то сжалось в горле.

— Я же обещал.

— Ты много чего обещал за последнее время. Например, спать хотя бы по шесть часов в сутки!

— Это другое.

— Конечно, другое, — она улыбнулась уголками губ, но улыбка вышла натянутой. — Давай, поворачивайся. Сюртук нужно застегнуть по всей форме, а у тебя вечно пуговицы перекошены. Как ты вообще выживал без меня все эти годы?

— Плохо выживал, — признался я, вставая к ней спиной и позволяя её пальцам пробежаться по пуговицам.

В комнате было тихо. Только тикали старые напольные часы в углу — подарок отца, привезённый им откуда-то из восточных провинций, — да где-то за окном кричали вороны, почуявшие приближение ночи.

Пальцы Лизы чуть дрожали, но она справлялась — одну за другой, пуговицы входили в петли с тихим, почти неслышным шорохом. От неё пахло яблочным пирогом и ванилью — запах, который стал для меня запахом дома.

— Готово, — сказала она, отступая на шаг и оглядывая меня с головы до ног. — Теперь ты выглядишь как человек, который собирается объявить войну.

— Примерно так и есть.

Она посмотрела мне в глаза — прямо, не отводя взгляда, — и я вдруг понял, что она знает. Не догадывается, не предполагает — знает, что я собираюсь сделать, потому что знает меня, и этого ей было достаточно.

— Я сегодня объявлю им, Лиза. Всем, кто будет за столом. О моём намерении просить твоей руки и заключить брак. И о том, что для этого я должен основать новый род.

Она не вздрогнула. Не ахнула, не прижала руки к груди, как делают героини дешёвых романов, которые она иногда тайком читала в библиотеке. Просто стояла и смотрела, и в весёлых глазах её медленно разгоралось что-то, похожее на свет далёкой, ещё невидимой звезды.

— Это станет необратимым, — продолжил я, потому что нужно было сказать до конца, до самой сути, до дна. — Как только эти слова прозвучат, назад дороги не будет. Нас попытаются остановить. Наследие Канцлеров, традиции, закон, сплетни, бойкот — всё это обрушится на нас, и я не знаю, выдержим ли мы. Я знаю только, что готов попробовать. А ты? Ты готова?

Она шагнула ко мне. Взяла за руку — просто взяла, и я почувствовал, как её сухие горячие пальцы сжали мои.

— Я горничная. Податного сословия. Без роду, без титула, без приданого, — голос её звучал тихо, но твёрдо. — Последние полгода все вокруг шепчутся, что я сплю с молодым хозяином и скоро меня вышвырнут с позором. Мне страшно, Эмиль. Каждый день страшно. Но... это не так страшно, как представить, что ты однажды не вернёшься из очередной поездки. Что я останусь здесь, в этом поместье, и буду просто горничной, которая когда-то знала одного сумасшедшего счетовода с магией контрактов и привычкой спать по три часа в день.

Она перевела дыхание, и я увидел, как на глазах у неё выступила влага — всего на секунду, прежде чем она сморгнула её.

— Так что да. Я готова.

Я обнял её — без слов и без пафоса. Просто прижал к себе, чувствуя, как бьётся её сердце где-то на уровне моей груди, и подумал, что ради этого ритма, ради этого стука я готов пройти хоть через все круги бюрократического ада и выйти с другой стороны. Даже если эта сторона будет гореть синим пламенем.

Часы пробили три четверти седьмого.

— Пора, — сказал я, отпуская её.

— Пора, — эхом откликнулась Лиза и, прежде чем я успел выйти, поцеловала меня в щёку, оставив на скуле влажный след, который я стёр рукавом уже в коридоре.

Большая столовая родового поместья выглядела сегодня торжественно и мрачно одновременно. Длинный дубовый стол, способный вместить тридцать человек, был накрыт на шестерых — старая семейная традиция требовала, чтобы в дни официальных ужинов сервировка сохранялась в полном объёме, даже если большинство стульев пустовало. Тяжёлые серебряные

канделябры, потемневшие от времени, отбрасывали дрожащие тени на стены, обитые тёмно-бордовым штофом. Парадный сервиз — подарок прошлого императора много раз пра-прадеду за какую-то военную кампанию, о которой уже никто не помнил, — сиял белизной, и на каждой тарелке красовался герб рода: боевой жезл, перекрещённый с гусиным пером.

За столом уже сидели.

Дядя — во главе, как и положено главе рода. За последние месяцы он постарел лет на десять: седина, раньше только серебрившая виски, теперь покрывала всю голову, а морщины на лбу стали глубже, резче, будто прорезанные ножом. Но выправка осталась прежней — прямой спины, расправленных плеч, — и глаза из-под кустистых бровей смотрели цепко, оценивающе, как у старого военного, который привык командовать и принимать решения.

Справа от него — тётушка Кларисса, вдова старшего брата отца, перебравшаяся в поместье после смерти мужа десять лет назад. Она была одета в тёмно-зелёное платье с глухим воротом — строже, чем обычно, — и казалась вырезанной из слоновой кости: те же бледные, аристократические черты, тот же острый подбородок, та же манера держать голову чуть наклонённой, словно она постоянно слушала что-то, не предназначенное для чужих ушей. На морщинистых пальцах поблёскивали кольца — родовые, старые, и каждое рассказывало свою историю о браках, союзах и наследствах.

Рихтер сидел слева от дяди и чувствовал себя явно не в своей тарелке. Парадный мундир — тёмно-синий, с серебряным шитьём по воротнику и обшлагам — сидел на нём мешковато, как будто его одолжили у кого-то на размер больше. Видно было, что надевал он его хорошо если пару раз в год, и то под угрозой лишения жалования. Он вертел в пальцах вилку, явно мечтая оказаться где-нибудь на полигоне, где можно было бы снять этот дурацкий мундир и как следует помахать боевым посохом.

Рядом с ним — Варгус, начальник стражи. Единственный за столом, кто не был кровным родственником, но сидел здесь по праву: старый служака, двадцать лет охранявший ворота и не раз доказывавший преданность роду. Сегодня он был приглашён как доверенное лицо — и, судя по его напряжённому лицу, понимал, что это приглашение неспроста.

Карл, застывший у дверей с кувшином вина, завершал эту картину.

Я вошёл и занял своё место — напротив Рихтера, рядом с тётушкой. Тишина стояла такая, что слышно было, как потрескивают свечи в канделябрах.

— Рад, что ты смог присоединиться к нам, Эмиль, — произнёс дядя, откашливаясь. Голос его звучал ровно, но я уловил в нём нотку напряжения — как у человека, который знает, что сейчас начнётся гроза, но надеется, что пронесёт. — Ты выглядишь уставшим. Опять работал до полуночи?

— До половины второго, — уточнил я, разворачивая салфетку. — Шумахер прислал отчёты, Воронцовы просят отсрочку по одному из платежей, а фон Хаген нашёл в архиве прецедент, который может пригодиться для будущих налоговых споров.

— Хаген, — тётушка Кларисса произнесла это имя с интонацией, которая превратила его в нечто среднее между «плесень» и «таракан». — Всё ещё живёт у нас в восточном крыле? Я думала, такие гости задерживаются максимум на пару недель.

— Он ценный советник, — спокойно ответил я. — И помог роду больше, чем некоторые кровные родственники.

Тётушка поджала губы, но ничего не сказала. Рихтер хмыкнул в кулак, явно оценив шпильку.

Дальше шёл ужин. Карл, по обыкновению, превзошёл самого себя: подали лёгкий бульон из куропатки, запечённую форель под сливочным соусом, ростбиф с тушёными овощами и, наконец, яблочный пирог — тот самый, что так полюбился Хагену. Блюда сменяли друг друга размеренно и неспешно, как параграфы в хорошо составленном договоре, но я почти не чувствовал вкуса. Комок в груди рос, твердел, напоминал о себе при каждом глотке.

Разговор тек вяло — обсуждали погоду, виды на урожай магических кристаллов с рудников, новую систему тренировок, которую Рихтер вводил для стражников. Я кивал, отвечал односложно и ждал. Ждал момента, когда часы пробьют половину восьмого — время, которое я назначил себе для объявления.

Когда Карл убрал тарелки из-под десерта и наполнил бокалы — кому вином, кому водой, — я понял, что момент настал.

Я поднялся. Стул скрипнул по паркету, и звук этот прозвучал резче, чем я ожидал. Все взгляды обратились ко мне.

— Прежде чем мы разойдёмся, — начал я, и собственный голос показался мне чужим, неестественно спокойным, — я должен сделать объявление.

Дядя отставил бокал. Рихтер нахмурился. Варгус замер, и его рука инстинктивно дёрнулась к поясу, где обычно висел боевой жезл — но сейчас, за столом, конечно, оружия не было. Тётушка Кларисса не шевельнулась, только глаза её сузились, став похожими на две ледяные щёлки.

— Я намерен просить руки Лизы, горничной нашего дома, и заключить с ней брак, — произнёс я, и слова эти упали в тишину, как камни в стоячую воду. — Я знаю, что по закону это невозможно без основания нового рода. Поэтому я намерен основать новый род. Свой собственный.

Тишина.

Только часы на каминной полке — неумолимые, как сама вечность, — отсчитывали секунды: тик-так, тик-так, тик-так.

— Ты... что? — Рихтер поперхнулся вином и уставился на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

Дядя молчал. Его лицо вдруг превратилось в маску — непроницаемую, застывшую, — и только пальцы, сжавшие ножку бокала чуть крепче обычного, выдавали напряжение.

Варгус медленно откинулся на спинку стула, и на его губах промелькнуло что-то отдалённо напоминающее уважение — странное, смешанное с тревогой, как у человека, который наблюдает за смельчаком, решившим пройти по канату над пропастью.

Но тётушка Кларисса...

Она не закричала, не швырнула салфетку на стол, не разразилась обвинениями. Вместо этого она с ледяной методичностью отложила приборы — нож справа, вилку слева, — промокнула губы салфеткой, сложила её аккуратно, как учили в пансионе благородных девиц, и только потом подняла глаза на меня.

Взгляд этот был страшен не гневом — отсутствием гнева.

— Эмиль, — начала она тихо, почти ласково, и от этого ласкового тона у меня по спине побежали мурашки. — Ты спас этот род. Ты совершил то, на что не были способны сильнейшие маги нашей семьи. Мы все перед тобой в долгу. Но это... это не тот долг, который можно выплатить позволением уничтожить всё, ради чего жили поколения Канцлеров.

Она взяла паузу — ровно настолько, чтобы её следующие слова упали в подготовленную тишину.

— Это мезальянс. Худший из возможных. Ты, может быть, думаешь, что любовь преодолевает всё, но за стенами этого поместья никто не будет думать. Все будут смотреть. И все будут помнить.

Она загнула тонкий палец, униженный фамильным перстнем.

— Наши дочери и сыновья будут искать партии — достойные партии, — а им будут указывать на дверь. Потому что их кузен женился на прислуге. Ты понимаешь? Каждый раз, когда кто-то из Канцлеров войдёт в гостиную, за его спиной будут шептать: «А-а, это из того самого рода, где один из наследников спутался с горничной». Репутация — это не то, что восстанавливается за одно поколение.

Второй палец.

— Юридически основание нового рода — это отделение от семьи. Ты перестанешь быть Канцлером в глазах закона. Твой герб будет другим. Твои дети не унаследуют наши права, не войдут в реестр, не смогут претендовать на то, что принадлежит нашей крови по праву рождения.

И третий.

— Социально... о, социально ты бросаешь вызов всем родам сразу. Всем. Они воспримут это как объявление войны их устоям — тем самым устоям, на которых держится Империя уже тысячу лет.

Она замолчала. В столовой снова стало тихо, и в этой тишине каждое её слово всё ещё висело в воздухе, отравляя его, как ядовитый туман.

— Ты закончила, тётушка? — спросил я, когда тишина стала невыносимой.

— Вполне.

— Хорошо. — Я сделал паузу, собираясь с мыслями. Аргументы, которые мы репетировали с Хагеном, выстроились в голове, как шеренга солдат перед боем. — По первому пункту: репутация рода. Я согласен — это риск. Но подумай вот о чём: ещё полгода назад род Канцлеров считался финансовым банкротом, который вот-вот рухнет и будет с позором исключён из реестра. Кто бы тогда отдал за наших дочерей своих сыновей? Никто. А теперь мы — род, который уничтожил Демидовых. К нам едут купцы, нас ищут партнёры. Репутация — это результат действий, а не следования правилам.

Она хотела возразить, но я не дал.

— По второму пункту: отделение от семьи. Да, мой герб будет другим. Но, тётушка, — я соединил руки вместе, — я не разрываю связей. Я остаюсь союзником. Рудники, мануфактуры, контракты, связи с Тайной канцелярией — всё это останется доступным роду. Два рода под одним союзным договором сильнее, чем один род, пытающийся удержать всё внутри.

— По третьему. — Я вздохнул. — Вызов всем родам... Я его уже бросил, тётушка. Когда раздавил Демидовых, когда вскрыл их связь с культом, когда работал на Канцелярию, я уже бросил вызов всем заинтересованным. Теперь они меня боятся, и это правда. Но страх, как верно заметил один мой знакомый — плохой фундамент для дружбы, зато отличный — для переговоров с позиции силы. Если они попытаются бойкотировать меня, я найду способы обойти бойкот. Магия контрактов — это магия лазеек.

Тётушка вскинула голову, её ноздри гневно раздувались, но прежде чем она успела произнести хоть слово, раздался грохот.

Рихтер встал.

Стул под ним отлетел на добрых полметра и врезался в стену, заставив Карла вздрогнуть и едва не выронить кувшин. Он обогнул стол — массивный, шумный, заполняющий собой пространство так же неумолимо, как его любимый боевой посох заполнял полигон — и хлопнул меня по плечу раскрытой ладонью.

Я пошатнулся. Честно — чуть не упал со стула, и только многолетняя привычка балансировать над пропастью бюджетов удержала меня в вертикальном положении.

— Ну ты даёшь, счетовод! — взревел он, и в голосе его звенел неподдельный, почти мальчишеский восторг. — Я думал, ты сидишь там, в своих бумажках, и ничего круче судебного иска не выдумаешь! А ты! Сначала Демидовых развалил, как гнилой сарай, а теперь прёшь на саму систему! На имперский устав, мать его за ногу!

Он захохотал — громко, искренне, так, как смеялся только после особенно удачной тренировки или хорошей драки.

— Давно пора было! Я ещё когда смотрел, как ты с этими старыми хрычами в арбитраже возишься, подумал: этому парню нужно дать больше власти, он её так использует, что вся

Империя треснет по швам! — Он снова хлопнул меня, на этот раз чуть слабее. — Я с тобой, братец!

Тётушка Кларисса поджала губы и замолчала. Её ледяная конструкция дала трещину — не от моих контраргументов, а от этого неожиданного, шумного, совершенно неаристократического вторжения. С Рихтером она спорить не умела — его невозможно было победить логикой, потому что он жил по законам боевой магии, а не великосветских салонов.

И тогда заговорил дядя.

Он отставил бокал — с тихим, сухим стуком, — и я понял, что сейчас начнётся самое важное.

— Сядь, Рихтер, — произнёс он спокойно, и в голосе его была та самая командирская сталь, которую боевые маги впитывали с молоком матери. — Дай нам закончить этот ужин цивилизованно.

Рихтер, как ни странно, подчинился — поднял стул, поставил его на место, сел.

Дядя перевёл взгляд на меня. Долго смотрел — я чувствовал, как его глаза изучают моё лицо, словно ищут в нём что-то, известное только ему одному.

— Когда твой отец был ещё жив, — начал он медленно, словно каждое слово имело вес золотого слитка, — мы с ним однажды поспорили о природе нашей родовой магии. Он утверждал, что магия контрактов — это не просто умение читать мелкий шрифт и находить лазейки. Он сказал: «Магия контрактов — это магия воли. Если у тебя нет воли изменить мир, зачем ты заключаешь контракты?». Я тогда не понял его слов. Я был боевым магом, как Рихтер, и думал, что сила измеряется в заклинаниях, огне и разрушениях.

Он сделал паузу. Часы на каминной полке отсчитывали секунду за секундой.

— Теперь же я понимаю. Твой отец говорил о другом. О силе, которая меняет мир не грубой магией, а волей, направленной в дело. Ты унаследовал от него больше, чем просто магию. Ты унаследовал эту волю.

Его голос чуть дрогнул, когда он продолжил:

— Как глава рода, я не могу дать тебе благословения. Этого не позволяет ни устав, ни традиция, ни моя ответственность перед предками. Если я публично поддержу твой брак с горничной, это будет воспринято как одобрение мезальянса всем родом. Я не могу так рисковать.

Сердце ухнуло куда-то вниз, но я заставил себя смотреть ему в глаза и не отводить взгляда.

— Но как твой дядя... — он вздохнул, и в этом вздохе я услышал целую гамму чувств: усталость, гордость, тревогу и что-то ещё, похожее на зависть — зависть человека, который однажды не решился изменить свою жизнь, глядя на того, кто решается. — Как твой дядя, я не буду тебе мешать. Ты можешь рассчитывать на то, что наш род даст тебе рекомендацию. Формально, как того требует закон, — одну из трёх. И я обещаю: покуда я жив, никто из Канцлеров не ударит тебе в спину.

Тётушка Кларисса резко выпрямилась.

— Ты понимаешь, что...!

— Я всё понимаю, Кларисса, — оборвал он её тем же командирским тоном, который только что использовал на Рихтера. — И я сказал ровно то, что сказал.

Тишина, упавшая на столовую, отличалась от предыдущей. В ней больше не было холода — было что-то торжественное, почти ритуальное.

— Спасибо, — выдохнул я.

Дядя кивнул — коротко, сдержанно, — и поднял бокал.

— За твоего отца. Он бы гордился.

— За отца, — эхом откликнулся я.

Рихтер тоже поднял бокал, и даже Варгус, всё это время сидевший молча и недвижимо, как каменное изваяние, кивнул и пригубил вино.

Тётушка Кларисса не пошевелилась. Теперь она смотрела в тарелку перед собой, и лицо её было белым, как тот самый парадный сервиз, подаренный императором.

Ужин завершился быстро. Все расходились молча — каждый со своими мыслями, каждый со своей тяжестью на сердце. Рихтер на прощание ещё раз хлопнул меня по плечу (на этот раз я устоял), дядя кивнул и направился в свой кабинет, Карл начал убирать со стола, а Варгус, выходя, на секунду задержался в дверях.

— Это было смело, — сказал он негромко. — Глупо, но смело. Если выживешь — будешь легендой рода. И... Если что — на этих словах он неожиданно твёрдо посмотрел мне прямо в глаза — гвардия рода тебя поддержит. Помни об этом. И не просчитайся с выбором.

— Я счетовод, Варгус, — усмехнулся я. — и счёт — это то, в чём я разбираюсь.

Он хмыкнул и исчез в коридоре.

Тётушка Кларисса ушла последней. Проходя мимо меня, она остановилась ровно на секунду и произнесла — тем самым ледяным голосом, которым начинала свою речь:

— Ты думаешь, что победил, Эмиль. Но то, что случилось сегодня за этим столом, — это только начало. Настоящая битва начнётся, когда слухи разойдутся по столице. И тогда ты поймёшь, каково это — быть врагом всех и сразу.

И ушла, оставив меня стоять в пустой столовой под дрожащим светом догорающих свечей.

Час спустя я отыскал Лизу в саду — точнее, там, где сад ещё сохранял остатки своего величия. Осень сделала своё дело: розы Германа отцвели, кусты стояли голые, но ухоженные, и только поздние хризантемы ещё цвели у дальней ограды, бросая вызов надвигающимся заморозкам. Дорожки были чисто выметены, и в холодном воздухе стоял запах прелой листвы и сырой земли — запах увядания, но не смерти.

Лиза стояла у старой каменной скамьи, глядя туда, где за кронами вековых дубов садилось осеннее солнце, окрашивая небо в оттенки меди и старого золота. Она не слышала моих шагов — или делала вид, что не слышит, — и я на мгновение задержался, глядя на её хрупкую фигуру, укутанную в старый плед, который она, видимо, стащила из моей гостиной.

— Ты замёрзнешь, — произнёс я, подходя ближе.

Она обернулась. Глаза её были сухими, но покрасневшими — она плакала, недавно, украдкой, — и от этого у меня снова что-то сжалось в груди.

— Как всё прошло? — спросила она, и голос её дрогнул.

— Как мы и ожидали. Тётушка была в ярости. Рихтер чуть не сломал мне плечо в порыве восторга. Дядя соблюдал нейтралитет и пообещал рекомендацию. Варгус назвал меня смелым и глупым, но обещал поддержку родовой гвардии в случае чего.

— А ты что?

— А я устал, родная!

Я подошёл, встал рядом, и мы вместе смотрели на закат. Через минуту Лиза заговорила снова, и теперь её голос был полон того, что она так долго сдерживала:

— Знаешь, Эмиль... Дома, — она запнулась на этом слове, — когда я была маленькой, мама рассказывала мне сказку. Про девушку, которая полюбила принца. Только она была дочерью кузнеца. И когда принц объявил о свадьбе, его семья... они...

— Я знаю эту сказку, — перебил я мягко. — У неё плохой конец.

— Да. И я всё время думала... Когда ты говорил — ну, в тот день, после разговора с Хагеном, — я всё время думала, что это сказка наоборот. И наш конец будет таким же.

Она повернулась ко мне. Теперь в свете заката я видел её лицо ясно, и в нём больше не было страха — только решимость, та самая, которая заставила меня когда-то подумать, что в этой девочке больше смелости, чем в половине боевых магов нашего рода.

— Я знаю, ты привык бороться и идти против всех, Эмиль... Но тут нашим врагом будут многие дворянские рода сразу! Очень многим не понравится... Наш брак... — Она покраснела, запнулась, сцепила руки в замок, не зная, куда их деть. — Я простая горничная, и...

Я шагнул к ней и обнял — без слов, без пафоса, просто прижал к себе, так же, как утром. Она на секунду напряглась, а потом обмякла, прижалась щекой к моему плечу, и я почувствовал, как плед соскальзывает с её плеч, и подхватил его.

— Я уже сражался с теми, кого все боялись, — произнёс я тихо, поглаживая её по спине. — С Демидовыми, с наёмниками, с судьями, с культистами. И я победил. Знаешь, как я это сделал?

— Магией контрактов?

— В том числе. Но главное — я понял одну вещь. Система, которую они построили — все эти уставы, реестры, сословные ограничения, — это просто очень сложный контракт. Написанный десятками поколений, с тысячами пунктов и подпунктов, но договор. А договора — это то, что я умею читать. И с чем я могу воевать.

Лиза подняла голову и посмотрела на меня снизу вверх. В её глазах всё ещё дрожали слёзы, но сквозь них пробивалось что-то новое.

— Ты правда веришь, что у нас получится?

— Верю. И сделаю всё для этого.

Она улыбнулась — слабо, неуверенно, но всё же улыбнулась, и от этой улыбки закатное небо над садом показалось мне самым красивым зрелищем, которое я когда-либо видел.

— Тогда сделаем это вместе, — прошептала она, снова утыкаясь лицом в моё плечо.

Поздний вечер застал меня в кабинете. Свеча на столе догорала, бросая на стены длинные, дрожащие тени, а за окном уже полностью стемнело — осенняя ночь накрыла поместье чёрным бархатом. Лиза ушла спать, и я укрыл её пледом — она снова уснула в кресле, не дойдя до теперь уже нашей постели, — а сам сел за стол.

План основания рода лежал передо мной. Под первым пунктом — «Залог: двадцать тысяч золотых» — теперь красовалась пометка: «Достижимо, срок — от 3-4 месяцев до года. Требуется рассмотрения. Осуществим.». Под вторым — «Рекомендации: Канцлеры (есть), +2» — пока пусто. Под третьим — «Три заслуги перед Империей. Рассмотреть возможность их получения через канцелярию» — тоже пока пусто.

Но пустота эта больше не пугала.

Я потянулся к чистому листу бумаги и, обмакнув перо в чернильницу, начал писать:

Господину Шумахеру, главному управляющему мануфактур Канцлеров.

Настоящим уведомляю вас о своём решении возвратиться в столицу. Срок моего пребывания будет продолжительным. Прошу вас подготовить всю документацию по мануфактурам за последние два месяца: приходные и расходные ведомости, контракты с поставщиками, отчёты о движении средств. Желая увидеть всё своими глазами.

Кроме того, прошу вас начать предварительные переговоры с гномьим банком о возможности предоставления кредитной линии на сумму двадцать тысяч золотых под залог одной из мануфактур или получения займа под развитие уже имеющихся активов. Подробности — при личной встрече.

С уважением, Эмиль фон Канцлер.

Я перечитал написанное. Вроде хорошо.

— Вот теперь ты похож на себя, парень, — раздался в голове голос Кси, и в нём, против обыкновения, звучало что-то почти тёплое.

— Ты долго молчал, — заметил я мысленно. — За весь ужин не сказал ни слова.

— Я наслаждался представлением. Старуха была великолепна. Особенно этот фокус с салфеткой — она так мелодраматично складывала её, будто хоронила твои надежды. Если бы магия работала от пафоса, она бы стала архимагом прямо там.

— Ты невыносим.

— Но ты меня терпишь и это главное. Итак, парень, каков следующий шаг?

Я сложил письмо, запечатал его родовой печатью и отложил в сторону.

— Столица. Ты видел письмо. Мы возвращаемся. И будем ждать вызова от фон Бока — пока это самый очевидный способ получить заслуги.

Кси издал звук, похожий на смех, — низкий, рокочущий, полный мрачного предвкушения.

— Фон Бок... Знаешь, он был одним из немногих в твоих воспоминаниях, кто произвёл на меня впечатление. Поехали в столицу. Мне надоела эта сельская идиллия, а тебе нужны враги посерьёзнее, чем старая карга с салфеткой.

— Кларисса — не карга. Она просто напуганная женщина, которая видит, как рушится привычный ей мир.

— Одно другому не мешает, — философски заметил Кси и растворился где-то на задворках сознания.

Я откинулся в кресле и позволил себе минуту слабости — просто закрыл глаза и представил, как мы с Лизой идём по столичной улице, и она не прячет лицо, не опускает взгляд, потому что она — не горничная, а хозяйка нового рода. Потому что мы это заслужили. Потому что мы это посчитали.

За окном шумел ветер — холодный, осенний, пахнувший первым снегом.

Но мне было тепло.

Где-то в доме часы пробили полночь, и в этом звуке мне почудилось обещание. Новый день уже наступил.

Глава 3: Дорога и учение уму-разуму

Утро после объявления выдалось именно таким, каким я его себе и представлял. Обычным.

Но внутри поместья, казалось, стало теплее, чем было — не из-за растопленных каминов, а из-за того особого, лихорадочного гула, который распространился по всем коридорам, кухням и людским едва ли не быстрее, чем пожар в городе.

Новость разлетелась меньше чем за день.

Я чувствовал это кожей, пока спускался по лестнице в холл и ловил на себе сотни чужих взглядов. Служанки, завидев меня, тут же ныряли в боковые коридоры, точно мыши, и только потом, из безопасного далека, доносился их быстрый, захлёбывающийся шёпот. Дворецкий Карл, напротив, держался с особой невозмутимостью старого служаки, но даже он позволил себе едва заметную заминку, подавая мне дорожный плащ, и в этой заминке читалось всё: и удивление, и, как ни странно, что-то похожее на одобрение.

— Господин желает взять с собой весь багаж или часть оставить до особо распоряжения? — спросил он, и я оценил формулировку: «до распоряжения», а не «до возвращения». Карл, похоже, уже понял, что моё возвращение в поместье не будет скорым.

— Всё, что есть в списке, — я кивнул на саквояж, стоявший у дверей. — Остальное остаётся здесь. Комнаты в восточном крыле пусть проветривают, но не трогают.

— Слушаюсь.

Во дворе же уже кипела работа. Грегор, мой телохранитель, собственноручно грузил в экипаж сундуки — он никому не доверял эту работу, считая, что правильно уложенный багаж может спасти жизнь при нападении, если использовать его как укрытие. И я с этим не спорил. Последние полгода жизни меня многому научили. За то время, что он служил мне, я привык доверять его паранойе — она часто казалась беспочвенной, но часто оказывалась правой. Сегодня Грегор был в дорожной куртке, под которой угадывались очертания лёгкого доспеха, и с неизменным мечом на поясе. Шрамы на его скулах побледнели, но всё ещё придавали лицу то самое выражение, которое так не нравилось трактирщикам и так успокаивало меня.

— Господин. — Он коротко кивнул, не прерывая работы. — Фон Хаген уже здесь. Ждёт вас в экипаже. Ругается на всё подряд, так что вы это... Готовьтесь.

— Это на него похоже.

— И леди Лиза, кстати, тоже, — добавил Грегор, и в его голосе промелькнула почти неуловимая теплота, которую он позволял себе в отношении очень немногих. — Стоит на крыльце. Ждёт вас.

Я обернулся.

Лиза действительно стояла на крыльце — но какой же разительный контраст был виден сейчас в ней по сравнению тем образом, к которому я привык за эти месяцы! Вместо форменного платья горничной на ней было аккуратное дорожное платье тёмно-синего цвета, строгое, но изящное, с белым воротничком — я заказал его у портнихи в городе ещё месяц назад, втайне от неё, и, судя по тому, как оно сидело, угадал с размером. Светлые локоны были убраны в тугую причёску на затылке, открывая тонкую шею. Рядом с ней стоял небольшой саквояж, а в руках она держала тетрадь в тёмно-бордовом переплёте, которую Хаген вручил ей накануне.

— Ты готова? — спросил я, подходя.

— Да, — она кивнула, и в этом кивке было больше решимости, чем она, вероятно, чувствовала на самом деле. — Только... мне немного страшно.

— Мне тоже, — признался я и подал ей руку.

Она опёрлась на мою ладонь и легко сошла с крыльца. Я помог ей сесть в экипаж, чувствуя, как её пальцы чуть дрожат на моей руке.

— Ну вот, — произнёс я, усаживаясь рядом. — Теперь обратного пути у нас нет.

— Я знаю, — ответила она и вдруг улыбнулась. — Поэтому и страшно.

Экипаж тронулся.

Внутри было тесновато, но уютно: четыре места, обитые тёмно-зелёным бархатом, слегка потёртым на сиденьях, и шторы на окнах. Хаген уже сидел на своём месте, закутанный в плед и обложенный книгами, точно курица яйцами. Его трость с серебряным набалдашником стояла между колен, а на них сверху лежал раскрытый том Имперского Устава — не тот, бордовый, что он читал мне несколько дней назад, а другой, потолще, в сером переплёте с золотым тиснением.

— Наконец-то, — проворчал старый судья, поправляя очки. — Я уже начал думать, что вы решили устроить прощальный приём с музыкой и танцами до полудня. Эта сырость... она пробирается в мои старые кости, как кредиторы в карман банкрота!

— Простите, Адриан. Сборы затянулись.

— Сборы всегда затягиваются, мой мальчик. Это аксиома. — Он перевёл взгляд на Лизу, и его лицо смягчилось. — А-а, вот и ты, дитя моё. Взяла тетрадь?

— Да, господин фон Хаген.

— Просто Адриан, — поправил он в который раз. — Я уже сто раз говорил: пока я жив, никаких «господинов» в моём присутствии. Оставь это для аристократов, у которых нет других заслуг, кроме длинной родословной.

— Простите... Адриан.

— Так-то лучше. — Он откинулся на спинку и с наслаждением вытянул ноги. — Итак, поскольку ехать нам почти два дня, а времени терять я не намерен, предлагаю совместить приятное с полезным. Вернее, полезное с полезным, потому что тряска в экипаже приятной не бывает по определению.

— Лекция? — уточнил я.

— Именно! — Хаген просиял. — Вчера я начал рассказывать Лизе об основах имперского права, но мы успели охватить лишь самую малость — добрались до третьего параграфа первой главы, и то вскользь. Сегодня продолжим. А ты, Эмиль, можешь слушать и дополнять, если я что-то упущу. В конце концов, ты теперь не просто мой бывший подопечный, а почти коллега!

— Почти?

— Почти, — отрезал Хаген с той особенной интонацией, которая означала, что до звания полноценного юриста мне ещё расти и расти. — Итак, Лиза, на чём мы остановились? Ах, да — на сословиях. Напомни-ка, что ты запомнила с прошлого раза.

Лиза открыла тетрадь — я заметил, что страницы уже на треть заполнены аккуратным почерком — и начала читать:

— Имперское право делит всех подданных Империи на три основных сословия: благородное, податное и духовное. Благородное сословие — это дворяне, внесённые в Имперский реестр. Они обладают правом владеть землёй, заключать магические контракты от имени рода, занимать государственные должности, носить оружие и свободно использовать боевую магию. Податное сословие — все остальные: купцы, ремесленники, крестьяне, наёмные работники. Они платят налоги и не имеют права голоса в Имперском Совете. Духовное сословие... Простите, я не дочитала...

— Духовное сословие, — подхватил Хаген, — это отдельная каста. Жрецы, монахи, служители богов и святых, демонологи и апостолы. Они выведены из-под светской юрисдикции и подчиняются только Церковному Совету. Но нас с вами в ближайшее время они интересовать не будут. А вот что касается благородного и податного — тут есть нюансы. Какие, Эмиль?

— Благородное сословие делится на титулованное и нетитулованное, — отозвался я, глядя в окно на проплывающий мимо осенний лес. — Титулованные — это графы, герцоги,

бароны и так далее. Нетитулованные — просто дворяне, имеющие запись в реестре, но без титула. Канцлеры — нетитулованный род.

— Верно. А ещё?

— Существует институт личного дворянства. Не передаётся по наследству, даётся за заслуги.

— Именно! — Хаген поднял палец. — И вот тут, Лиза, кроется одна из тех лазеек, которые наш дорогой Эмиль так любит находить в контрактах. Слышишь? Личное дворянство. Оно не привязано к роду, не требует включения в реестр, но при этом даёт своему обладателю некоторые права — например, право быть судимым дворянским судом, а не общим. И знаешь, что самое интересное?

— Что? — Лиза подалась вперёд, и я увидел, как горят её глаза. Она действительно слушала — не из вежливости, а с жадностью человека, который понимает, что от этих знаний может зависеть его будущее.

— Существует два пути получить личное дворянство. Один — получить его от Императора за заслуги. Второй — родиться в семье личного дворянина. Но третий, самый редкий, — выйти замуж за обладателя личного дворянства. В этом случае жена автоматически получает статус дворянки.

В экипаже повисла тишина. Лиза переваривала услышанное, и я видел, как её пальцы, лежавшие на тетради, чуть сжались.

— Но для этого нужно, чтобы я стал личным дворянином, — произнёс я. — А я — потомственный, и у меня другой путь.

— Да, — согласился Хаген. — Но я веду к тому, что система не монолитна. В ней есть щели, трещины, лазейки, пусть и кривые. И наша задача — найти ту, которая подойдёт именно вам. — Он повернулся и постучал тростью в потолок экипажа. — Грегор, как там дорога?

— Дорога как дорога! — донеслось с козел. — Мокрая, но проезжая. К вечеру будем у «Трёх дубов», если не застрянем!

— Вот и славно, — Хаген снова откинулся на спинку. — А теперь, Лиза, давай пройдемся по основным законам, регулирующим брачные союзы. Статья семнадцатая тебе уже известна, но есть ещё статья девятнадцатая — о приданом, двадцатая — о наследных правах детей, и, что особенно важно, двадцать четвёртая — о признании браков, заключённых за пределами Империи...

Экипаж катил по тракту, и за окнами проплывали деревья — голые, мокрые, с редкими островками пожухлой листвы, всё ещё цепляющейся за ветки. Лес стоял тихий и торжественный, как старый храм, и в этом пейзаже было что-то успокаивающее, почти медитативное. Иногда тракт пересекал мелкие речушки по старым каменным мостам, и тогда колёса гремели особенно громко, заставляя Хагена повышать голос.

Лиза слушала и записывала. Её вопросы становились всё более точными, всё более острыми — она схватывала на лету то, на что у меня когда-то ушло несколько месяцев. Хаген был в восторге: старый судья, привыкший к бестолковым студентам и коррумпированным коллегам, нашёл в лице моей девушки благодарнейшую ученицу и теперь наслаждался процессом.

— А что будет, если аристократ женится на простолюдинке по законам другого государства, а потом вернётся в Империю? — спросила она, и Хаген даже крикнул от удовольствия.

— Превосходный вопрос! Видишь, Эмиль, чему я её учу? Учить надо не ответам, а правильным вопросам! — Он перевернул страницу. — Статья двадцать четвёртая как раз об этом. Если брак заключён за границей по законам той страны и должным образом задокументирован, то Империя его признаёт — но с оговорками. Какими, Эмиль?

— Оговорка первая: брак не должен нарушать имперский закон о многожёнстве и запретных степенях родства. Оговорка вторая: супруга не получает автоматически дворянства, если

она не была дворянкой той страны, где заключён брак. Оговорка третья: дети от такого брака не наследуют титул отца, если только Император лично не узаконит их в качестве наследников.

— Пять баллов, — кивнул Хаген. — Но ты забыл четвёртую оговорку: брак должен быть зарегистрирован в имперском консульстве той страны, где он заключался, в течение года. Иначе он недействителен.

— Я думал, её отменили.

— Отменили, но только для браков между дворянами. Для мезальянсов — оставили. Видишь, как хитро? Система не запрещает мезальянсы, она просто делает их невыгодными. — Хаген усмехнулся, и в его усмешке промелькнуло что-то от того старого, озлобленного судьи, который ночевал в ночлежке. — Это классический бюрократический приём: не запрещать, но обставить таким количеством условий, что проще сдаться.

— Но я не сдамся, — заметил я.

— Знаю, мой мальчик. Поэтому я и здесь.

Снаружи донёсся голос Грегора:

— Подъезжаем к «Трёх дубам»! Готовьтесь размять ноги!

Трактир «Три дуба» стоял на пересечении двух трактов — старого имперского и нового купеческого — и представлял собой приземистое двухэтажное здание, сложенное из толстых, потемневших от времени брёвен. Над входом висела вывеска с тремя стилизованными деревьями, а из трубы тянуло дымом и запахом жареного мяса. На заднем дворе виднелась конюшня, где уже стояло несколько экипажей — трактир был популярен у купцов, путешествовавших между столицей и восточными провинциями.

Грегор спрыгнул с козел первым, оглядел двор — привычка, выработанная годами службы и выживания, — и только потом открыл дверцу экипажа.

— Чисто, — сообщил он. — Внутри четверо купцов, возница и пара стражников. Не опасны, но глазастые. Лучше держаться особняком.

Я помог Лизе выйти, чувствуя, как её рука уже привычно легла в мою. Хаген выбрался последним, опираясь на трость, и тут же закашлялся от сырого воздуха.

— Прошу прощения за выражение, — просипел он, — но я слишком стар, чтобы ночевать в таких местах. И в то же время недостаточно богат, чтобы останавливаться в лучших.

— Зато здесь варят отличный эль, — заметил Грегор. — Я проверял в прошлый раз.

Внутри трактир оказался именно таким, каким я его помнил по прошлым поездкам: низкий потолок с балками, большой камин в центре зала, длинные столы и отдельные кабинки у стен. Трактирщик — краснолицый мужчина с пышными усами — приветствовал нас кивком и указал на свободный стол у камина. Купцы, о которых говорил Грегор, сидели в углу и действительно поглядывали на нас с любопытством, особенно на Лизу, но, встретив взгляд моего телохранителя, тут же уткнулись в свои кружки.

Мы заняли стол. Хаген почти сразу же задремал в кресле у огня — возраст брал своё, и долгая тряска в экипаже выматывала его сильнее, чем он готов был признать. Грегор отправился проверять периметр, а я и Лиза остались сидеть у камина, глядя на пляшущие языки пламени.

— Я никогда не была так далеко от поместья, — произнесла она тихо, и в её голосе прозвучало что-то, что я не сразу распознал. Не страх — скорее, благоговейный трепет перед огромностью мира.

— До столицы ещё дальше, — заметил я.

— Я знаю. — Она помолчала, глядя в огонь. — В поместье всё было понятно. Там я знала каждый угол, каждую половицу, которая скрипит, каждую розу в саду у Германа. А столица... Я там никогда не была. И я боюсь.

— За себя?

— За тебя, — она повернулась ко мне, и я увидел в её глазах ту самую тревогу, которую она так долго скрывала за решимостью и спокойствием. — Там будут те, кто хочет тебе зла. Я знаю: ты говорил, что справишься, что у тебя есть план и союзники... Но мне всё равно страшно. Потому что я не смогу тебе помочь, если что-то случится. Я не маг, не воин, не юрист. Я просто... просто...

— Ты — моя будущая жена, — перебил я. — И это больше, чем маг, воин и юрист вместе взятые.

Она слабо улыбнулась.

— Ты говоришь как герой из тех романов, которые я читала в библиотеке.

— Может быть, я их и прочитал. Тайком.

— Ты? — она усмехнулась уже более искренне. — Ты же кроме ведомостей и законов ничего не читаешь.

— Раньше не читал! А теперь у меня есть стимул.

Я взял её за руку, и мы сидели так несколько минут посмеиваясь и глядя в огонь. Треск поленьев, запах дыма и жареного мяса, далёкий гул голосов купцов — всё это складывалось в странную, почти убаюкивающую симфонию.

— Расскажи мне о столице, — попросила вдруг Лиза. — Не то, что говорит Хаген — о законах и судах. А то, что ты сам видел. Какая она... на самом деле?

Я откинулся на спинку стула и прикрыл глаза, вызывая в памяти картины двухмесячной давности.

— Столица... Это вечный шум, — начал я. — Там всегда особенно громко: колёса экипажей стучат по мокрой брусчатке, всюду крики разносчиков, лай собак, звон колоколов. Она не затихает никогда, даже ночью — всегда где-то что-то происходит. Но при этом, знаешь... Она живая. Настоящая. Не как наше поместье, где ничего не меняется из года в год. Столица — это хаос, но в этом хаосе есть свой порядок.

— А люди?

— Разные. Купцы, чиновники, студенты Академии, наёмники, воры, жрецы, маги. Если долго стоять на одном месте, можно увидеть всю Империю в миниатюре. — Я улыбнулся воспоминанию. — Когда я приехал в столицу в первый раз, я остановился в трактире «Старый писец». Это на Медной улице. Там очень своеобразные люди всех слоёв общества и, если долго сидеть на первом этаже, можно многое увидеть.

— А башни Академии? Они правда светятся по ночам?

— Правда. Там на вершине установлены магические фонари, которые зажигаются с закатом и гаснут с рассветом. Говорят, их создал какой-то архимаг триста лет назад, и с тех пор они ни разу не ломались. Ещё говорят, что в полнолуние они светятся особенно ярко — как будто луна спускается на землю и целует башни в знак признания заслуг всех магов, которые когда-либо учились в Академии.

— Красиво, — прошептала Лиза.

— Да. А ещё есть Арбитраж — огромное здание с колоннами и статуей богини Справедливости над входом. Только у этой статуи нет глаз — они завязаны, и в одной руке она держит весы, а в другой — меч. Хаген говорит, что это символ: правосудие слепо, но не беспомощно. А я вот думаю, что это символ того, как часто судьи не видят правды, прикрываясь законом.

Она слушала, не перебивая, и в её глазах я видел, как постепенно страх сменяется любопытством. Я рассказывал ей о порте — огромном, пропахшем рыбой и смолой, о складах на набережной, о гномьем банке с его суровыми охранниками и магическими счётными машинами, о газете «Столичные ведомости», которую печатали в огромном здании с паровыми прессами и разносили по городу мальчишки-разносчики.

— А особняк Шумахера, в котором мы будем жить, находится на тихой улице, — продолжал я. — Там растут старые липы, и по утрам поют птицы. Почти как у нас в поместье. Только вместо полигона — лавка булочника на углу, где пекут лучшие в столице ванильные булочки.

— Это ты сейчас для меня придумал? Про булочки?

— Честное слово, нет! Я сам их пробовал. Они и правда вкусные...

Она засмеялась — впервые за весь день, — и в этом смехе я услышал то, ради чего готов был ехать хоть на край света: немного облегчения, немного надежды, немного того самого счастья, которое мы оба искали.

Грегор вернулся с обхода как раз к тому моменту, когда трактирщик принёс ужин: тушёное мясо с овощами, свежий хлеб и по кружке горячего эля. Хаген проснулся, покряхтел, поправил очки и присоединился к трапезе, не преминув заметить, что мясо «пересолено, как бюджет военного департамента». Но ел с аппетитом.

Ночь прошла спокойно. Мы сняли две комнаты — одну для нас с Лизой, другую для Хагена, — а Грегор, по своему обыкновению, остался спать в общем зале, поближе к входу. Я лежал на узкой кровати трактира и слушал, как Лиза дышит рядом. Она заснула быстро, утомлённая дорогой и впечатлениями, а я ещё долго смотрел в потолок, прокручивая в голове всё, что нам предстояло.

— Спи, парень, — раздался в голове голос Кси. — Завтра будет длинный день.

— Ты не показывался весь день, — заметил я мысленно.

— Я слушал старика. Он занятный. Особенно когда рассказывает о законах, которые сам же когда-то нарушал.

— Он не нарушал.

— Все судьи нарушают законы, парень. Вопрос только в том, в чью пользу. — Кси хмыкнул. — Но твоя девочка... она молодец. Слушает, запоминает, задаёт правильные вопросы. Из неё выйдет толк, если вы, конечно, не погибнете по дороге.

— Спасибо за оптимизм.

— Всегда пожалуйста. А теперь спи. Я посторожу твои сны.

Я закрыл глаза и провалился в темноту без сновидений — впервые за долгое время спокойно, без тревоги и без привычного уже кошмара с бесконечными ведомостями.

Тем временем в столице, в Штаб-квартире Тайной канцелярии:

Кабинет фон Бока, главы Тайной канцелярии, был обставлен с аскетизмом, граничащим с монашеским: пустые стены, массивный дубовый стол, заваленный бумагами, и огромная карта Империи, занимавшая целую стену. На карте мерцали крошечные магические маячки — одни ярко-синие (объекты наблюдения), другие тускло-красные (зоны повышенной активности), третьи, редкие, золотые (союзники и активы).

Фон Бок стоял у карты, заложив руки за спину, когда дверь открылась.

— Разрешите доложить, ваше благородие?

Фриц вошёл без стука — ему это позволялось в силу особого статуса и, как подозревали некоторые, особого расположения начальства. Он был в своей обычной форме сегодня: чуть выше среднего роста, подтянутый, в тёмно-серой форме агента. Но на скуле красовался свежий шрам, а под глазами залегли тени — следы последнего задания.

— Докладывай, — бросил фон Бок, не оборачиваясь.

— Задание выполнено. Остатки ячейки культа в Порт-Маре ликвидированы. Четверо задержаны и уже дают показания в подвалах, — Фриц говорил быстро, но без обычного своего ерничества: было видно, что он действительно устал. — Двое попытались устроить призыв прямо в портовом складе. Ликвидированы на месте. Документы изъяты, сейчас их разбирают в аналитическом отделе.

— Потери?

— Со стороны Канцелярии — двое легкораненых. Со стороны культа — все, кто сопротивлялся. — Фриц помолчал, потом добавил: — Они пытались призвать что-то крупное. Если бы не успели вовремя...

— Но не успели, — фон Бок повернулся и посмотрел на агента долгим, оценивающим взглядом. — Ты поразительно быстро закрываешь свой долг, Фриц. Ещё одно такое дело — и я начну подозревать, что ты работаешь за идею, а не за контракт.

Агент улыбнулся — кривовато, но искренне.

— Так стараюсь, ваше благородие, — начал он, и в его голосе прорезалась привычная шутовская интонация. — Сами знаете: должником быть не люблю, а проценты нынче...

Он не закончил. Дверь в кабинет снова открылась, и вошёл секретарь — молодой человек в серой форме с серебряным значком отдела корреспонденции. В руках он держал конверт с магической печатью, которая слабо пульсировала синим — признак срочного донесения.

— Прошу прощения, господин, — секретарь поклонился. — Источник в поместье Канцлеров передал срочные сведения. Я счёл необходимым доложить немедленно.

Фон Бок молча взял конверт, сломал печать и пробежал глазами послание. Его лицо осталось бесстрастным — как всегда, — но Фриц, хорошо знавший начальника, заметил, как на секунду дрогнул уголок его губ.

— Что там, ваше благородие? — не удержался Фриц.

Фон Бок отложил донесение и откинулся в кресле — редкий жест, означавший, что новость его если не развеселила, то как минимум позабавила.

— Наш общий знакомый, Эмиль фон Канцлер, на семейном ужине официально объявил о помолвке с простолюдинкой. — Он сделал паузу. — И о намерении основать новый род.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая только тиканьем часов.

Фриц, который как раз взял со стола стакан воды и успел сделать глоток, поперхнулся. Вода брызнула на его форму, но он этого даже не заметил — он смотрел на начальника с выражением крайнего, почти детского изумления.

— Что... — он закашлялся, утёр рот рукавом и выдал уже громко, с неподдельным восторгом: — Наш счетовод решил жениться?! Он что, реально собирается переиграть аристократию?!

Фриц захохотал — но в этом смехе не было ни капли издевки. Только изумление, восхищение и то особое, азартное предвкушение, с каким игрок смотрит на партнёра, поставившего всё на кон.

— Во дела-а-а... — протянул он, отсмеявшись. — Я думал, он тихоня, а он... Нет, вы слышали, ваше благородие? Основать новый род! Это ж надо! Счетовод против системы! Я бы на это билеты продавал!

— Уймись, Фриц, — произнёс фон Бок, но голос его прозвучал мягче обычного.

Он поднялся из-за стола и снова подошёл к карте. Долго смотрел на неё, на мигающие маячки, на линии границ, на тёмное пятно Торнвальда, которое погасло пару месяцев назад и до сих пор не зажглось вновь.

— Это интересно, — произнёс он наконец, и в его голосе послышался холодный, расчётливый интерес. — Человек, которому есть что терять, — более полезный актив. И более предсказуемый. Он теперь будет работать не только за деньги, и не только из страха. У него появилась мечта. А за мечту люди сражаются вдвое отчаяннее.

— Так это же хорошо, разве нет? — Фриц всё ещё улыбался. — Мне он понравился ещё там, на складе. Чутьё у парня — как у гончей. А теперь, глядишь, ещё и зубы вырастут.

— Зубы у него уже есть, — заметил фон Бок. — Вопрос в том, успеет ли он отрастить шкуру, прежде чем его сожрут. — Он повернулся к секретарю. — Подготовь досье на род Фенрихов.

Секретарь кивнул и исчез за дверью. Фриц нахмурился:

— Фенрихи? Это которые староземельные бароны с восточного предела? А они тут при чём?

— Если я правильно понимаю логику аристократии, — медленно произнёс фон Бок, — и Эмиля в частности, именно они станут его первыми конкурентами. Восточный предел даёт доступ к кристаллам. Кристаллы — это влияние. Влияние — это власть. А власть — это то, чего Эмилю теперь будет отчаянно не хватать.

— И что, мы будем вмешиваться?

— Пока — нет. — Фон Бок поднял руку, останавливая готового возразить Фрица. — Я запрещаю вмешиваться. Пусть мальчик проявит себя. Если он справится — значит, он действительно стоит контракта. Если нет... что ж, значит, я ошибся в его оценке.

Фриц насупился, но спорить не стал. Он знал, что спорить с фон Бокком — всё равно что спорить с горным обвалом: можно кричать до хрипоты, но камни всё равно упадут туда, куда должны.

— Однако, — добавил фон Бок, и в его глазах блеснул тот самый опасный огонёк, который означал, что у него созрел план, — можно чуть-чуть приподнять грязь с этого застоявшегося рода. Так, чтобы она всплыла сама собой. Независимо от нас.

— И как мы это сделаем?

— Поговори с Кляйном. Скажи, что у «Столичных ведомостей» может появиться интересный материал о коррупции в восточных баронствах. Никакой прямой связи с Канцлерами — просто хорошая, честная журналистика.

Фриц ухмыльнулся. Он понял. Старый лис Бок, как всегда, играл в долгую — не вмешиваясь напрямую, но создавая условия, в которых его протеже будет проще дышать.

— Будет сделано, ваше благородие.

— И ещё, Фриц, — остановил его фон Бок, когда агент уже взялся за ручку двери. — Когда Эмиль объявится в столице, дай ему знать, что я его жду. Не официально — не через курьера. Просто... случайная встреча.

— Как в...?

— Именно.

Фриц кивнул и вышел, оставив фон Бока одного. Глава Тайной канцелярии ещё долго стоял у карты, глядя на крошечную золотую точку где-то в районе родового поместья Канцлеров, и на его губах играла та самая едва заметная улыбка, которую видели только те, кто служил с ним больше десяти лет.

— Новый род, — произнёс он в пустоту. — Надо же... А мальчишка-то действительно хочет переписать правила. Ну-ну. Посмотрим, хватит ли у тебя на это способностей.

Спустился два дня.

На третий день пути дорога пошла под уклон, и за окнами экипажа замелькали предместья. Сначала редко — одинокие фермы, поля под паром, ветряные мельницы с неподвижными крыльями. Потом чаще — постоянные дворы, лавки, небольшие мануфактуры, дымящие трубами. А потом начался сам город.

Лиза прильнула к окну и больше не отрывалась.

Столица надвигалась на нас постепенно, как надвигается гроза: сначала гул, потом отдельные вспышки, а потом — лавина звуков, запахов, красок. Магические фонари уже зажглись, несмотря на то, что до вечера оставалось ещё пара часов, и их холодный синеватый свет смешивался с тёплым золотом масляных ламп, создавая причудливую игру теней на мокрой брусчатке.

— Смотри, — я указал в окно, — видишь ту башню? Это Академия. А то здание с колоннами, левее, — Арбитраж.

— Красиво... — прошептала она, но я слышал в её голосе не только восхищение. Там было что-то ещё — то самое чувство, которое испытывает человек, впервые оказавшийся перед чем-то огромным, незнакомым и, возможно, враждебным.

Я взял её за руку.

— Мы справимся.

Она сжала мои пальцы в ответ.

Экипаж свернул на тихую улочку, обсаженную старыми липами — теми самыми, о которых я рассказывал. В конце её показался высокий каменный забор и кованые ворота, над которыми красовалась вывеска: «Шумахер и Ко. Мануфактуры. Поставки. Контракты».

— Приехали, — объявил Грегор, спрыгивая с козел.

Он распахнул ворота, и экипаж медленно вкатился во внутренний двор особняка — того самого, который несколько месяцев назад стал моим временным убежищем, а теперь готовился стать нашим домом. Двухэтажное здание из серого камня, с большими окнами и ухоженным садом, встретило нас тишиной и запахом влажной листвы.

Я вышел первым и подал руку Лизе.

— Ну, вот мы и на месте, — произнёс я, когда она ступила на землю. — Добро пожаловать в столицу.

Глава 4: Анатомия договора

Особняк Шумахера встретил нас не размеренной тишиной родового поместья, а звуками жизни: где-то в глубине дома перекрикивались слуги, на заднем дворе, кажется, разгружали телегу, а из кухни тянуло запахом свежей выпечки, отчего мой желудок немедленно напомнил, что с утра мы перебились лишь скудным завтраком в придорожном трактире.

Грегор, спрыгнувший с козел, уже сноровисто разгружал наши чемоданы. Я обернулся к Лизе, но она не нуждалась в помощи — выпорхнула сама, оглядываясь по сторонам с тем особенным выражением лица, какое бывает у людей, впервые попавших в чужой, ещё не обжитый дом. Адриан, напротив, вылезал тяжело, опираясь на трость и ворча что-то про «старые кости, которым нужно не трястись в экипажах, а греться у камина за стаканом доброго портвейна».

— И не стыдно вам с порога выпрашивать портвейн? — раздался с крыльца густой, раскатыстый голос.

Парадная дверь распахнулась, и на пороге показался хозяин дома. Шумахер был в домашнем сюртуке из тёмно-зелёного сукна, расстёгнутом нараспашку, и с неизменной трубкой в зубах — той самой, которую я помнил ещё с прошлого приезда, резной, гномьей работы, с чубуком из потемневшего вереска. Дым от трубки вился сизой лентой, причудливо смешиваясь с осенней моросью, и в этом дыме, в этом запахе дорогого табака и домашнего уюта я вдруг ощутил странное, непривычное чувство: возвращение домой. Не приезда в гости, а именно ДОМОЙ.

— Господин фон Хаген! — Шумахер прищурился, и в его глазах блеснул хитрый купеческий огонёк. — Рад видеть вас в добром здравии! Портвейн у меня есть — настоящий, гномий, выдержанный, не то пойло, что подают в трактирах у заставы.

— Уже люблю вас больше прежнего, — проворчал Хаген и заковылял к крыльцу.

Я взял руку Лизы, и мы поднялись следом. Шумахер, пожимая мою ладонь, задержал взгляд на моей спутнице. В его лице не промелькнуло ни тени удивления: моё письмо с предупреждением о том, что я приеду не один, он получил и, судя по всему, подготовился.

— Госпожа Лиза, — произнёс он и, к моему некоторому изумлению, склонился к её руке с той церемонной, чуть старомодной учтивостью, которую я привык видеть скорее у аристократов, чем у купцов, пусть и столь богатых, как Шумахер. — Добро пожаловать в мой дом. Рад знакомству.

Лиза, впрочем, не стушеввалась. Уроки, которые она брала у меня и, кажется, у самой жизни в последние месяцы, не прошли даром. Она присела в лёгком, почти безупречном книксене и ответила ровно, с достоинством:

— Благодарю вас, господин Шумахер. Это честь для меня.

— Честь? — Шумахер хмыкнул, выпуская очередной клуб дыма. — Честь — это когда гости не разоряют тебя в первый же вечер, выпивая весь винный погреб. Но чутьё мне подсказывает, что вы, сударыня, не из таких. А теперь, — он обернулся к дверям, — прошу вас, проходите. Герта уже заждалась. Она твердо решила взять над вами шефство, госпожа Лиза, так что уж не обессудьте. Женщина она добрая, но настойчивая — как хорошая гончая, учувшая след.

Из глубины холла, словно по сигналу, появилась и сама Герта. Жена Шумахера оказалась именно такой, какой я её запомнил: полная, румяная, в тёмно-синем платье, поверх которого был повязан белоснежный передник — скорее по привычке, чем по необходимости — и с глазами, которые смотрели на мир с цепким, оценивающим вниманием опытной хозяйки. Она сразу, без лишних церемоний, взяла Лизу под локоть.

— Ах, девочка моя, — заворковала она, увлекая мою растерявшуюся спутницу в сторону гостиной, — ну до чего же хороша! И платье — я сразу заметила, дорожное, а сидит как влитое. Пойдём-пойдём, я покажу тебе комнаты. Отдохнёшь с дороги, а потом...

Голос её затих в коридоре, и я только успел поймать быстрый, чуть испуганный взгляд Лизы, брошенный на меня через плечо, прежде чем они обе скрылись за поворотом.

— Ну вот, — Шумахер снова затянулся трубкой, — теперь можно и о делах поговорить. Пойдёмте, Эмиль. Разговор предстоит долгий.

Кабинет Шумахера, в который я вошёл следом за хозяином, был полной противоположностью моему рабочему столу в поместье. Если у меня царил организованный, выверенный до последнего листа порядок, то здесь порядок был иным — купеческим, что чувствовалось в каждой его детали. Вдоль стен, от пола до потолка, висели стеллажи с грессбухами; каждый том был пронумерован, но корешки их были изрядно потёрты от частого использования. На огромном дубовом столе, занимавшем центр комнаты, громоздились стопки бумаг, карты с пометками и маленькие, но очень точные весы для монет. В углу, на отдельной полке, стояли деревянные модели кораблей — не игрушечные, а явно выполненные по реальным чертежам.

Пахло здесь трубкой, сургучом, старыми книгами и тем особым, чуть острым ароматом металла, какой бывает там, где часто считают золотые монеты.

— Располагайся, — Шумахер кивнул на стул напротив своего кресла. — Итак. Ты вернулся в столицу, чтобы основать новый род. Это я понял из твоего письма — между строк, конечно, но понял. И это значит, что у нас, как ты любишь выражаться, открывается новая ведомость.

Он не стал ходить вокруг да около. Положил трубку на край массивной бронзовой пепельницы и вытащил из стопки на столе три тонкие папки.

— Тут твои мануфактуры. Стекольная, текстильная, кожевенная. Все три работают, и работают хорошо, прошу заметить. Но ты не можешь развивать всё сразу — это аксиома. У тебя нет ни опыта, ни резервов, ни времени, чтобы распыляться. Деньги любят счёт, но ещё больше они любят фокус. Выбери ту, что даст тебе больше всего средств и влияния в кратчайший срок.

Он разложил папки веером.

— Текстильная. Стабильный доход, спрос постоянный — ткани нужны всем и всегда. Но конкуренция тут огромная. В столице и окрестностях я насчитал одиннадцать крупных мануфактур, и это не считая мелких мастерских. Без связей в текстильных гильдиях, без собственных агентов по закупке сырья мы будем просто ещё одной пешкой на доске. Чтобы выбиться в лидеры, нужны годы.

Он подвинул вторую папку.

— Кожевенная. Хорошие мастера, налаженные поставки шкур. Но маржа низкая, производство сезонное — зависит от забоя скота и плодovitости стад. Если случится падёж, мы останемся без сырья на полгода. Плюс — вонь. Ты можешь сколько угодно вкладываться в очистные амулеты, но репутация «кожевенного барона» — не та репутация, с которой основывают новый род, Эмиль.

И, наконец, он взял в руки третью папку — и я увидел, как в его глазах снова зажёгся тот самый огонёк азарта.

— Стекольная. Вот она, жемчужина. Советую её. Демидовы, при всей их гнилой сущности, были отличными дельцами. Они вложили в эту мануфактуру хорошее оборудование: гномы печи, способные держать точнейшую температуру, формы для литья, шлифовальные амулеты. Мастера там опытные — я лично проверял, разговаривал с каждым старшим подмастерьем. А главное, — он поднял палец, и трубка в его руке дёрнулась, очертив в воздухе дымную спираль, — твоя магия.

— Магия контрактов? — уточнил я, хотя уже догадывался, к чему он клонит.

— Именно! Стекло — это не ткань и не шкуры. Стекло — это точный процесс. Температура, пропорции, время. Малейшее отклонение — и вместо чистого хрусталя получается мутный пузырящийся брак. А магия контрактов, Эмиль, — это ведь тоже про точность, верно? Про соблюдение условий? — Он откинулся в кресле и выпустил клуб дыма. — Если ты сумеешь вплести свою магию в производство, если добьёшься, чтобы твоё стекло было не просто хорошим, а идеальным, — ты получишь продукт, который никто не сможет повторить. Это преимущество аристократов — магия, возведённая в ранг ремесла. Демидовы не использовали его, потому что у них не было твоего дара. А у тебя есть.

Я взял предложенную папку и пробежал глазами цифры. Стекло действительно давало наибольшую маржу — почти сорок процентов, в отличие от двадцати пяти на текстиле и жалких пятнадцати на коже. И, что было даже важнее, спрос на качественное стекло в Империи никогда не падал: окна, посуда, лабораторная утварь, магические линзы — аристократия и Академия поглощали всё, что могли предложить производители.

— Стекло, — сказал я, закрывая папку. — Ты прав, Гюнтер. Фокусируемся на стекле.

— Отлично! — Шумахер, казалось, был доволен. — А теперь, когда мы решили стратегический вопрос, я хочу показать тебе кое-что ещё.

Он встал, подошёл к одному из стеллажей и, порывшись, вернулся с увесистой папкой, перевязанной красным шнурком. Развязав его, он извлёк несколько листов — реальный контракт, судя по гербовым печатям и следам магической подписи, светившейся в углах тусклым синим.

— Смотри, — он положил документ передо мной. — Это договор на поставку поташа от Штальманов — старых партнёров мануфактуры ещё со стародавних времён. Сейчас он действует, и, если смотреть на него как маг контрактов... что ты видишь?

Я вгляделся. Печати были подлинными, подписи — заверенными, пункты — чёткими. Сроки поставок, суммы, штрафные санкции за срыв.

— Контракт действителен, — заключил я. — Все условия соблюдены. Скреплён магией, печати не погашены. Уязвимостей не вижу.

— Верно! — Шумахер хлопнул ладонью по столу. — Ты смотришь как маг и как аристократ. Ищешь лазейки, нарушения, пункты, которые можно оспорить. Это правильный подход, Эмиль, но он узкий. Ты смотришь на то, что в контракте есть. А я смотрю на то, чего в нём нет.

Он ткнул пальцем в середину документа.

— Смотри. Здесь не указано, кто платит за простой обоза, если река разольётся и мост снесёт. А река Бурная, по которой они везут поташ, разливается стабильно раз в три-четыре года. В прошлом году мост сносило дважды. И каждый раз Демидовы теряли груз и не получали ни гроша. Контракт при этом был действителен — магия следит за буквой, а не за духом. Понимаешь?

В моей голове что-то щёлкнуло. Это было как в тот момент в архиве, когда я впервые увидел структуру магического контракта не как текст, а как живую, дышащую сеть обязательств.

— Магия следит за тем, что написано, — повторил я за ним, — но не за тем, что подразумевается.

— Именно! — Шумахер снова затянулся трубкой, и дым окутал его лицо, делая похожим на какого-то древнего, хитрого гнома. — Ты, Эмиль, как маг контрактов, видишь структуру, логику, наличие или отсутствие обязательств. Хаген, твой юрист, видит соответствие законам, процессуальные ловушки, прецеденты. А я, — он усмехнулся, — вижу то, чего в контракте нет. Риски, которые не прописаны. Форс-мажоры, которые не учтены. Характеры людей, которые этот контракт подписали. Состояние дорог и места, где караваны встают на ночлег. Например, я знаю, что возница Штальманов — пьяница и в каждом втором рейсе задерживается на день, и это не прописано, но это факт. Понимаешь, к чему я клоню?

Я понимал. У меня теперь было три взгляда. Три инструмента и три линзы. Свой собственный — магический, видящий структуру. Хагенов — юридический, видящий закон. И Шумахера — купеческий, видящий реальность.

— Это меняет дело, — произнёс я медленно. — Я должен мыслить не только о том, что написано, но и о том, что осталось за скобками.

— А ты быстро учишься! — Шумахер одобрительно кивнул. — А теперь давай я покажу тебе ещё несколько таких вот «пробелов» в других контрактах. Поверь, через час ты начнёшь видеть их повсюду. Это как болезнь, мой друг. Но болезнь весьма и весьма полезная...

В гостиной Герты в это же время происходило нечто совершенно иное, но не менее важное.

Комната эта была обставлена с тем особым купеческим уютом, который невозможно подделывать никакими деньгами: мягкие диваны с вышитыми подушками, столики, покрытые кружевными салфетками, и целая батарея чайников и заварочников на отдельном сервировочном столике. В углу тихо жужжал магический вентилятор летней модели, сейчас, осенью, не нужный, но так и не убранный — просто повернутый к стене.

Лиза сидела в кресле с чашкой чая в руках и внимательно слушала. Герта, разместившаяся напротив, говорила негромко, но веско — так, словно каждое слово было монетой, которую она вкладывала в будущее своей ученицы. Хотя... По - сути так оно и было.

— Ты должна понять, девочка, что положение жены купца или основателя аристократического рода — это не просто «быть красивой и молчать». Это работа, — она подняла палец, — такая же важная, как у твоего мужа. Твой Эмиль будет говорить с лордами, но ты будешь говорить с их жёнами. А жёны, поверь мне, знают порой куда больше, чем их мужья.

— Но... о чём мне с ними говорить? — Лиза была смущена, но не подавлена. В её глазах горел тот самый огонёк любопытства, который позволял ей схватывать уроки на лету. — Я же... я не знаю их жизни, их интересов.

— А вот это — самое главное заблуждение, — Герта мягко улыбнулась. — Их жизнь и интересы — такие же, как у всех женщин этого мира. Дети, хозяйство, наряды, здоровье и слуги. Разница лишь в масштабе и цене. Но вот что действительно важно, — она понизила голос, и Лиза инстинктивно подалась вперёд, — ты должна научиться слушать. Не слышать, а именно слушать. Когда леди Воронцова жалуется, что её муж опять задерживается на каких-то «рудных переговорах» — это не просто жалоба. Это информация: Воронцовы ведут переговоры о руде. О какой? С кем? Почему? Ты не спрашиваешь в лоб — ты запоминаешь, а потом, за ужином, говоришь своему мужу: «Знаешь, Эмиль, кажется, Воронцовы ищут новых поставщиков или что-то такое для свих фабрик». И он уже сам решит, что с этим делать.

Лиза слушала, затаив дыхание. Пальцы её, лежавшие на чашке, чуть дрожали, но это была дрожь не от страха, а, скорее, от возбуждения и осознания собственной новой роли.

— Я понимаю, — прошептала она. — Это как...

— Как менять фишки при игре в кости, — рассмеялась Герта. — Только ставки повыше. А теперь, — она взяла с соседнего столика колокольчик и позвонила, — начнём практику. Я пригласила к обеду одну свою знакомую, вдову бывшего советника по торговле. Она стара, глуховата, но знает всех и вся. Начнём с неё — тебе нужно на ком-то тренироваться.

А в кабинете Шумахера время летело незаметно. Чай, принесённый слугой, остыл и остался нетронутым, трубка хозяина давно погасла, и он, увлечшись, просто сжимал её в зубах, не замечая этого. Мы сидели в окружении разложенных бумаг, карт, гроссбухов и схем, и воздух вокруг нас был густым от обсуждений.

— Итак, ты теперь владелец стекольной, — Шумахер откинулся в кресле, и оно жалобно скрипнуло под его весом. — Что ты можешь сделать такого, чего не мог Демидов, владевший ею до тебя?

Я задумался. Вопрос так-то был правильным. Демидовы были богаты, влиятельны, у них были связи, ресурсы, налаженная логистика. Единственное, чего у них не было, — это меня.

— Магия контрактов, — ответил я, глядя на схему производственного цикла стекольной. — Я могу заключить более жёсткие контракты с поставщиками — с магическими санкциями за срыв поставок. Могу гарантировать качество покупателям — с магической же страховкой. Это даст нам определённое доверие рынка.

— Хорошо, — кивнул Шумахер. — Но это внешние контракты. А что насчёт внутренних? Что насчёт тех, кто работает на мануфактуре? Твоих рабочих?

Я моргнул.

— Я не хочу никого принуждать, Гюнтер. Это незаконно и... неправильно.

— Да я и не о принуждении! — Шумахер всплеснул руками. — Я о том, чтобы помочь им работать лучше. Ты видел когда-нибудь стеклодува за работой? Это адский труд, Эмиль! Температуры, от которых плавится кожа на лице. Точность, от которой зависит, выйдет ли из печи хрустальный бокал или мутная стекляшка. Люди устают, ошибаются, отвлекаются — и чем больше они устают, тем чаще ошибаются. Это не их вина. Это человеческая природа. Но что если — он снова подался вперёд, и в его глазах блеснул азарт — твоя магия будет просто напоминать им? Или взбадривать? Или как-то контролировать не их, а сам процесс? Это возможно?

Повисла пауза. Я смотрел на схему стекольной печи, и перед моим внутренним взором разворачивалась картина. Магия контрактов работает с волей. Но волю можно не подавлять — её можно ведь и направлять...

— Если воплести в контракт не приказ, а... — я начал размышлять вслух, — что-то вроде сигнала. Скажем, если рабочий нарушает температурный режим, у него звенит в ушах. Это не больно, не страшно — просто сигнал, напоминание. Как часы, которые бьют в полдень, только часы находятся внутри самого рабочего.

— Вот! — Шумахер хлопнул ладонью по столу так, что бумаги подпрыгнули. — Вот это уже похоже на дело! Если твои рабочие будут ошибаться вдвое меньше, качество стекла взлетит. А хорошее качество — это не просто цена, Эмиль. Это имя. Имя, которое говорит само за себя.

Он помолчал, раскуривая трубку, и добавил уже спокойнее:

— Но есть две проблемы. Первая — простые работяги. Если ты придёшь к ним и скажешь: «Я заключу с вами магический контракт», они испугаются до чёртиков. Они не знают, что такое «индикация нарушений». Они знают только, что такое магия аристократов: кнут, долговая яма и проклятие. Ты должен будешь говорить с ними не как маг, а как человек. И вторая проблема — имперские проверяющие. Канцелярия Имперского Трудового Надзора. Они следят, чтобы магия не превращала людей в безвольные машины. Если твой контракт сочтут ментальным воздействием — тебя ждёт не штраф, а кандалы.

Я медленно кивнул. Обе проблемы звучали серьёзно. И обе требовали того самого третьего взгляда, о котором только что говорил Шумахер: юридического. Хагеновского.

— Нам нужен Адриан, — сказал я, вставая. — Прямо сейчас.

— Я знал, что ты это скажешь, — Шумахер тоже поднялся, кряхтя и потирая затёкшую спину. — Пойдём, старый сухарь как раз должен сейчас обживаться в гостиной.

Комнату, отведённую Адриану фон Хагену, мы отыскали не сразу — особняк Шумахера был достаточно велик, чтобы в нём можно было заблудиться, даже будучи хозяином дома. Но всё же нашли: дверь была приоткрыта, и из неё тянуло всё тем же знакомым запахом старой бумаги, а теперь ещё и портвейном.

Хаген сидел в глубоком кресле у окна, которое выходило в сад. Комнату он уже успел обжить под себя: на столике рядом с креслом громоздилась стопка фолиантов, извлечённых из привезённых с собой книг, а под рукой, на отдельной подставке, стоял бокал с тёмно-рубино-

вой жидкостью. Старый судья читал какой-то особенно ветхий том, переворачивая страницы с величайшей осторожностью, словно те могли рассыпаться от одного неловкого движения.

Увидев нас на пороге, он захлопнул книгу и смерил нас взглядом поверх очков.

— Судя по вашим физиономиям — произнёс он с той особой, ленивой интонацией, которая означала, что он уже приготовился к самому худшему — вы, господа, придумали что-то и гениальное, и очень опасное. Выкладывайте. Портвейн я уже открыл — как знал, что вечер не будет спокойным.

Я изложил идею. Шумахер, стоявший у двери, время от времени добавлял детали: о реакции рабочих, о проверяющих, о технической стороне дела. Хаген слушал, не перебивая, и лицо его оставалось непроницаемым — только пальцы, сжимавшие ножку бокала, чуть подрагивали.

Когда я закончил, он снял очки, протёр их краем пледа (этот жест, кажется, стал у него нервным тиком) и водрузил обратно на нос.

— Идея, — задумчиво произнёс он — интересная. Опасная, но интересная. Я вижу сразу три юридические проблемы.

Он загнул палец.

— Первая: определение ментального воздействия. Если твой сигнал причиняет боль или страдание — это пытка. Если подавляет волю — это порабощение. Если просто информирует — это серая зона. Имперский Указ о Нормировании Магических Воздействий, статья четвёртая, толкует понятие «ментального воздействия» весьма широко.

Второй палец.

— Вторая проблема: регистрация. Любой магический контракт коммерческого применения должен быть зарегистрирован в Гильдии до его активации. Если ты активируешь его без регистрации — это нарушение. Если подашь на регистрацию — Гильдия может отказать, и тогда ты окажешься в ещё худшем положении, потому что они уже будут знать о твоих планах.

Третий палец.

— Третья: прецеденты. Если нет судебного решения, признающего подобное законным, ты будешь первым. А первопроходцев, — он сделал паузу и отпил из бокала — часто вешают. Не в прямом смысле, конечно, но юридически — да.

— То есть шансов нет? — спросил Шумахер хмуро.

— Я не говорил, что шансов нет, — Хаген покачал головой. — Я сказал, что есть проблемы. Проблемы можно решить. Но мне нужно время. — Он указал на стопку книг. — Я покопаюсь в судебной практике. Может быть, найду что-то похожее.

— Тогда мы тебя оставим, — Шумахер взял меня за плечо и развернул к двери. — Пойдём, Эмиль. Дай старику поработать.

Мы вышли. Последнее, что я увидел, обернувшись в дверях, — Хагена, склонившегося над очередным фолиантом. Свет свечи падал на его руки, и я вдруг заметил, что они больше не дрожат. Совсем.

Вечером того же дня, когда часы в холле пробили семь и весь особняк затих, готовясь к ужину, я спустился в гостиную и обнаружил там Лизу. Она сидела на диване с чашкой чая — на этот раз одна, без Герты — и задумчиво смотрела на огонь в камине. Перед ней на столике лежала всё та же тетрадь в тёмно-бордовом переплёте, уже изрядно потрепанная за дни пути и заполненная заметками от корки до корки.

— Как прошёл твой день? — спросил я, садясь рядом.

— Мне кажется, я узнала больше, чем за всю предыдущую жизнь, — призналась Лиза, и в её голосе прозвучало что-то среднее между гордостью и усталостью. — Герта учила меня «слушать жён». Потом пришла её знакомая, вдова советника, и я слушала. Знаешь, что я узнала за один обед?

— Что?

— Что Воронцовы действительно ищут нового поставщика кристаллов — старший Воронцов переговоры затягивает, а младший, Степан, хочет перехватить инициативу. Что в Гильдии Купцов недовольны монополией гномьего банка и ищут обходные пути. Что жена одного из городских судей, — она на мгновение замялась, — неверна мужу, и об этом уже судачит весь город, но никто не решается сказать в открытую.

Я присвистнул. За один обед! Да у меня на сбор такой информации ушли бы недели, и то — через сеть осведомителей и контрактов.

— Ты прирождённый агент, — сказал я и, кажется, в моём голосе прозвучало больше восхищения, чем я планировал.

— Я просто слушала, — она слабо улыбнулась. — Но это... это интересно. Как игра. Только ставки настоящие.

— А что у тебя? — спросила она, отставляя чашку. — Как прошёл разговор с господином Шумахером?

Я рассказал. О выборе стекольной, об уроке купеческого взгляда на контракты — «видеть то, чего в них нет», — и об идее с магическим контрактом для рабочих. О Хагеновских трёх проблемах и о том, что старик сейчас роется в книгах, ища прецедент. Лиза слушала внимательно, и когда я закончил, взяла со стола нашу тетрадь — ту самую, где на первой странице было выведено: «План основания рода». Она пролистала до последней заполненной страницы и, взяв моё перо (которое я всегда носил с собой, как иные носят меч), вывела аккуратным почерком:

«Пункт четвёртый: Разработать контракт эффективности для стекольной мануфактуры. Найти юридический прецедент (Хаген). Подготовить убедительные аргументы для рабочих и для Трудового Надзора».

Я смотрел на этот пункт, выведенный её рукой, и чувствовал, как внутри что-то крепнет — то самое чувство, которое Хаген называл «волей к действию», а Кси — «настоящей магией, недоступной никаким архимагам». Это не было связано ни с контрактами, ни с магией смерти, ни с интригами Канцелярии. Это было проще и гораздо сильнее. У нас получалось. По-настоящему получалось.

— Спасибо, — сказал я, накрывая её руку своей.

— За что?

— За то, что ты есть. И за то, что веришь в меня.

Она повернула руку ладонью вверх и переплела свои пальцы с моими.

— Я не просто верю, Эмиль. Я знаю. Мы справимся.

Мы сидели так до тех пор, пока в дверях не показалась горничная, объявившая, что ужин подан. За окном уже сгустилась осенняя тьма, и только магические фонари вдоль улицы лили ровный, чуть холодноватый свет на мокрую брусчатку.

А где-то наверху, в своей комнате, Адриан фон Хаген перевернул очередную страницу и наконец-то нашёл то, что искал.

За ужином Хаген спустился в столовую последним — но шёл он не своей обычной шаркающей походкой, а бодро, почти молодо, и в глазах его горел тот самый судейский огонёк, который я помнил ещё по дням процесса против Демидовых.

— Нашёл, — объявил он, едва усевшись и пододвинув к себе тарелку. — Дело Ремесленной Гильдии Краснодеревщиков против Империи, сорокатрёхлетней давности. Я знал, что где-то это видел! Суд постановил, что магическая индикация физиологических последствий — усталости, дискомфорта, звона в ушах — не является ментальным воздействием, если не подавляет волю и не является проклятием. Ключевые слова: «если не наносит вреда и никак не проявляется в нерабочее время».

— То есть... — Шумахер, резавший ростбиф, замер с ножом в руке.

— То есть мы можем построить контракт не на принуждении к работе, а на индикации нарушений техники безопасности и производственных норм, — Хаген сиял. — Это будет не «работай лучше», а «если температура в печи падает ниже критической отметки, ты почувствуешь холод в кончиках пальцев». Не приказ, а сигнал. Не наказание, а подсказка.

— А Трудовой Надзор? — уточнил я.

— Если контракт будет соответствовать формулировкам того судебного решения, Надзор не сможет его оспорить. Им придётся либо признать его законным, либо идти против собственного же прецедента. А менять решения сорокатрёхлетней давности — это такая бюрократическая волокита, что проще закрыть глаза и сделать вид, что так и надо.

Я достал прямо за столом нашу тетрадь и под одобрительным взглядом Лизы дописал под «пунктом четвёртым»:

«Прецедент найден. Дело Гильдии Краснодеревщиков, 43 года. Контракт строится как система индикации нарушений, а не принуждения. Начать разработку».

Шумахер, прочитав это, лишь покачал головой.

— Знаешь, Эмиль, когда я говорил, что ты далеко пойдёшь, я не думал, что настолько далеко и настолько быстро.

— Я тоже — ответил я, закрывая тетрадь.

Глава 5: Контракт

Следующие несколько дней слились для меня в один бесконечный, лихорадочный рабочий марафон. Я просыпался затемно, когда за окнами особняка Шумахера ещё висела серая предрассветная муть, и ложился далеко за полночь, когда даже вездесущая Герта затихала в своей гостиной, а магические фонари на улице начинали тускнеть, переходя в ночной режим. Всё это время мы втроём — я, Хаген и Шумахер — обкатывали идею контракта, как обкатывают любую дельную идею: долго, тщательно и со всех сторон.

Кабинет Шумахера, бывший моим временным убежищем ещё в первый приезд, теперь превратился в настоящий штаб. На огромном дубовом столе громоздились уже не купеческие гроссбухи, а стопки юридических книг, притащенных Хагеном из своей комнаты. Меловой набросок структуры контракта, который я второпях сделал на грифельной доске, занимал почти всю стену. Схема пестрела стрелками, пометками и зачёркнутыми блоками. Пахло здесь теперь не только трубкой, сургучом и старыми книгами, но и крепким чаем с мятой, который Герта присылала нам каждый час, и тем особым, чуть кисловатым запахом пота, какой бывает в помещениях, где люди работают на износ.

— Нет, Эмиль, это не пойдёт, — Хаген в десятый раз за утро снял очки и устало потёр переносицу. Под его глазами залегли такие же тёмные круги, как у меня. — Если мы напишем «контроль соблюдения», любой инспектор Трудового Надзора немедленно придерётся к слову «контроль». Контроль подразумевает подавление. Подавление — это ментальное воздействие. Ментальное воздействие — это статья.

— Но это же фактически контроль, — я откинулся на спинку стула и потянулся так, что хрустнули позвонки. — Контракт следит за параметрами печи. Если температура падает — он сигнализирует. Это контроль или нет?

— Фактически — да. Юридически — нет, если мы назовём это иначе. — Хаген перевернул несколько страниц в своём фолианте. — Вот, смотри: «индикация нарушений технологического процесса, аналогичная сигналу артефакта». Это формулировка из дела Гильдии Краснодеревщиков. Они использовали магические молотки, которые начинали вибрировать, если столяр ошибался в угле наклона резца. Суд признал это не контролем, а «инструментом информирования».

— Артефакт — это предмет, — заметил я. — А у нас — воздействие на тело. Звон в ушах, покалывание в пальцах. Это всё же ближе к заклинанию.

— Именно поэтому, — Хаген поднял палец, — мы и подаём заявку в Гильдию Магического Торгового Права, а не просто активируем контракт явочным порядком. Мы даём им возможность проверить его, отказать или одобрить и зарегистрировать. Если Гильдия регистрирует наш контракт как «индикатор безопасности», то Трудовой Надзор уже не сможет его оспорить. Это сыграет против их же регламентов.

Шумахер, сидевший в углу с трубкой и чашкой остывшего чая, хмыкнул.

— Значит, вся надежда на то, что бюрократы не захотят ссориться с другими бюрократами? Это по-моему, звучит как план, обречённый на успех.

— Это звучит как единственный работающий план в этой Империи, — парировал Хаген. — Ты, Гюнтер, сорок лет торгуешь. Неужели ты ни разу не использовал патентную службу, чтобы задавить конкурента?

— Использовал, — признал Шумахер и затаился трубкой. — Ладно, убедил. Что у нас с формулировкой основного пункта?

Я подвинул к себе лист, над которым бился уже второй день. Текст, выведенный моим почерком, пестрел пометками и зачёркиваниями.

— Давайте так, — я прокашлялся и прочитал вслух: — «В случае нарушения держателем настоящего договора установленных производственных норм и правил техники безопасности, включая, но не ограничиваясь: отклонение температуры в плавильной печи за пределы, указанные в Приложении №1; нарушение пропорций компонентов шихты, указанных в Приложении №2; превышение нормативного времени выдувки, указанного в Приложении №3; — держатель получает физиологический индикатор в виде лёгкого звона в ушах или покалывания в кончиках пальцев, каковой индикатор исчезает немедленно по устранении нарушения. Данный индикатор не причиняет боли, не подавляет волю, не ограничивает свободу передвижения и не действует вне рабочего времени и территории мануфактуры».

Хаген слушал с закрытыми глазами, чуть покачивая головой в такт словам. Когда я закончил, он открыл глаза и посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом.

— Приложения — это хорошо. Это конкретика, к которой не придерёшься. «Не причиняет боли» — хорошо, это прямо снимает обвинение в пытке. «Вне рабочего времени» — отлично, это ключевой пункт из прецедента Гильдии Краснодеревщиков. Но вот «лёгкий звон в ушах»...

— Что не так?

— А ты пробовал? — Хаген подался вперёд. — Ты сам испытывал этот звон? Откуда ты знаешь, что он лёгкий? Что, если для старого стеклодува с больными ушами, который тридцать лет простоял у печи, этот звон будет не «лёгким индикатором», а мучительной пыткой?

Я замер.

Вот за что я ценил Хагена. Он видел то, что я упускал. Всю свою жизнь я работал с контрактами как с математическими формулами: есть пункт, есть подпункт, есть следствие. Но контракт, затрагивающий живых людей, — это не формула. Это... договор. Со всеми вытекающими.

— Значит, нужно смягчить, — медленно произнёс я. — Не «звон в ушах», а «ощущение, аналогичное лёгкому прикосновению». Нечто, что сложно не заметить, но невозможно счесть болью.

— И добавить оговорку, — подхватил Хаген, — что держатель договора может в любой момент расторгнуть его в одностороннем порядке, без объяснения причин и штрафных санкций. Это ключевое. Контракт не должен быть ловушкой, из которой нет выхода. Иначе это не трудовой договор, а проклятие.

Я взял перо и начал вносить правки. Строчки ложились ровно, без клякс — то ли магия контрактов помогала, то ли просто многолетняя привычка к аккуратности взяла своё.

— И ещё одно, — Хаген понизил голос. — Ты уверен, что хочешь добавить пункт о премиальных?

— Да, — ответил я твёрдо. — Если контракт только наказывает — это кнут. Если только информирует — это просто надоедливый шум. А если он и информирует о нарушениях, и поощряет за качество — это пряник. Рабочие должны видеть, что контракт работает на них, а не только на меня.

Шумахер одобрительно крякнул.

— Вот это уже похоже на купеческий подход, Эмиль! Я боялся, что ты впишешь туда одни штрафы, как любили делать Демидовы. А тут — премия за качество. Если брака станет меньше, они будут получать больше. Это мотивирует лучше любого наказания.

— Именно, — я дописал последнюю строку и отложил перо. — Итак. «Система мониторинга безопасности и контроля проведения работ». Сокращённо — «Система». Звучит солидно и непонятно, как любое хорошее бюрократическое название.

Хаген фыркнул, но спорить не стал.

На следующий день мы с Хагеном отправились в Гильдию Магического Торгового Права. Я надел свой лучший сюртук — тёмно-серый, с серебряным шитьём по вороту, — а Лиза, перед

выходом, ещё раз проверила пуговицы. Хаген облачился в старый, но всё ещё величественный судейский камзол, который он извлёк откуда-то из недр своего чемодана, и теперь выглядел так, словно сошёл с портрета столетней давности.

Здание Гильдии находилось в торговом квартале столицы и издалека напоминало улей — огромный, прямоугольный, сложенный из тёмно-красного кирпича. Внутри это сходство только усиливалось: бесконечные коридоры, заполненные клерками, просителями и курьерами, которые сновали туда-сюда с охапками бумаг. Стоял ровный, непрерывный гул — смесь шагов, приглушённых голосов и скрипа перьев. Пахло чернилами, сургучом и тем особым запахом казённых помещений, который не выветривается никакими амулетами.

— Не отставай, мой мальчик, — Хаген, опираясь на трость, двигался сквозь эту толпу с ловкостью рыбы, плывущей против течения. Он знал здесь каждый закоулок. — Сначала — в отдел регистрации. Это на третьем этаже, левое крыло. Там нам выдадут семь форм.

— Семь?!

— А ты думал, основание нового типа магического контракта — это как пирожок купить? — Хаген хмыкнул. — Семь форм, три пошлины, две подписи. И это при условии, что нам повезёт с клерком.

Нам повезло. Клерк — молодой человек с усталым лицом и чернильными пятнами на пальцах, выдал нам семь форм, принял три пошлины и, пробежав глазами краткое описание контракта, даже присвистнул.

— Магическая индикация для рабочих? — переспросил он, сверяясь с каким-то внутренним реестром. — Такого у нас ещё не регистрировали. Вам нужна подпись старшего инспектора и начальника отдела.

— Я знаю старшего инспектора, — произнёс Хаген, и в его голосе прозвучала та особая интонация, с какой говорят о старых знакомых, с которыми есть давние счёты. — Крюгер всё ещё работает?

— Инспектор Крюгер ведёт приём по вторникам и четвергам, — ответил клерк.

— Сегодня вторник. Отлично. — Хаген взял меня под локоть и потянул к лестнице. — Пошли, Эмиль. Крюгер мне должен. Точнее, когда-то я оправдал его племянника в деле о неумышленном магическом поджоге. Старые долги — самая твёрдая валюта в этой Империи.

Инспектор Крюгер оказался тучным лысеющим мужчиной с цепкими, умными глазами и манерой говорить так, словно каждое слово он зачитывал из невидимого протокола. Он принял наши формы, изучил их с дотошностью, достойной лучшего инспектора, и, наконец, поставил первую подпись — с той особой, чуть ленивой небрежностью, какая бывает у людей, которые подписывают по сто документов в день и давно перестали придавать этому значение.

— Интересно, — только и сказал он, возвращая бумаги. — Если это сработает, Канцлер, вы перевернёте рынок.

— Я на это и рассчитываю.

Вторую подпись мы получили через час — начальник отдела долго изучал прецедент Гильдии Краснодарцевиков, сверялся с какими-то своими справочниками и в итоге изрёк:

— Подано. Предварительное разрешение на активацию контракта в тестовом режиме сроком на две недели выдаётся. Инспектор Гильдии посетит мануфактуру через четырнадцать дней для проверки. Если контракт будет признан соответствующим нормам, он будет зарегистрирован официально.

Когда мы вышли из Гильдии на свежий осенний воздух, я почувствовал, как с плеч свалился огромный груз. Первый этап был пройден.

— Не расслабляйся, — предупредил Хаген, кутаясь в плед. — Самое сложное — не бюрократия. Самое сложное — убедить людей.

Стекольная мануфактура встретила меня жаром.

Она располагалась на окраине столицы, в промышленном квартале, где воздух всегда был чуть горьковатым от дыма десятков труб, а брусчатка под ногами — припорошена тонкой угольной пылью. Кирпичное здание цеха было огромным, приземистым и тяжёлым, как старый зверь, впавший в спячку. Но внутри эта спячка сменялась яростным, неукротимым биением жизни.

Три гигантские плавильные печи, установленные вдоль дальней стены, дышали таким жаром, что с моего лица почти сразу испарилась вся уличная сырость. Воздух дрожал над ними, искажая очертания рабочих, сновавших туда-сюда с длинными трубками-понтями. Грохот механических молотов, дробивших сырьё в пыль, смешивался с низким, утробным гулом самих печей и звоном готовых изделий, которые укладывали в ящики. Пахло здесь так, как, наверное, пахнет у подножия вулкана: раскалённым песком, едким поташом, остывающим металлом и чем-то сладковатым — кажется, расплавленным стеклом, которое ещё не застыло и сохраняло в себе память о невероятном, убийственном жаре.

Мастера, работавшие здесь с самого основания мануфактуры — ещё при Демидовых, — были под стать своему ремеслу: суровые, покрытые сажей, с обожжёнными руками и лицами, на которых застыло выражение постоянной, привычной настороженности. Это были люди, которые привыкли к тому, что хозяин приходит только затем, чтобы объявить о сокращении жалованья, штрафах или увольнениях. И сейчас, когда я вошёл в литейный цех и попросил старшего мастера собрать всех, они выстроились передо мной с тем же молчаливым, угрюмым ожиданием.

Я обвёл их взглядом. Мужчины и женщины. Человек сорок, может, чуть больше. Молодые подмастерья, прячущиеся за спинами старших. Седые стеклодувы с руками, покрытыми сеткой старых ожогов. Женщины-шлифовальщицы с пальцами, стёртыми почти до кости.

Шумахер стоял у меня за спиной, но молчал. Он понимал: говорить должен я.

— Меня зовут Эмиль фон Канцлер, — начал я, и голос мой, непривычно громкий в этом огромном пространстве, эхом отразился от кирпичных стен. — Пол года назад эта мануфактура принадлежала Демидовым. Теперь она моя. Но я пришёл сюда не для того, чтобы объявить о новых порядках. Я пришёл для того, чтобы предложить.

Я сделал паузу. Тишина в цехе стояла такая, что слышно было, как потрескивают дрова в топках.

— Я предлагаю каждому из вас заключить со мной контракт.

По толпе пробежал ропот — глухой, неприязненный. Кто-то сжал кулаки. Женщина в первом ряду — с руками, покрытыми ожогами — чуть отступила назад, и в её глазах промелькнул страх.

Магия контрактов всегда означала для простых людей одно: кнут, долговую яму, проклятие. Я знал это. И именно поэтому должен был говорить предельно ясно.

— Я знаю, о чём вы думаете, — продолжил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно-спокойно. — Вы думаете, что я хочу вас подчинить. Что я заставлю вас работать до смерти, не давая ничего взамен. Это не так.

Я извлёк из папки чистый лист контракта — тот самый, над которым мы бились несколько дней, — и поднял его так, чтобы видели все.

— Этот контракт не наказывает вас ни за что. Он только предупреждает. Если в печи упадёт температура, а вы не заметите, — вы почувствуете лёгкое покалывание в пальцах. Если нарушите пропорции шихты — у вас на секунду и очень легко зазвенит в ушах. Это не боль. Не наказание. Это просто сигнал, как звонок часов, который напоминает, что пора проверить печь. И как только вы исправите ошибку — сигнал исчезнет.

Я обвёл взглядом лица — всё ещё напряжённые, но уже менее враждебные. Кто-то нахмурился, кто-то переглянулся.

— Но это ещё не всё. В том же контракте есть пункт о премиях. Если брака станет меньше, если печи будут работать ровнее, если вы будете тратить меньше сырья на единицу продукции, — вы будете получать больше. Не я один — все. От старшего мастера до последнего подмастерья.

Я опустил лист и добавил — тихо, но отчётливо:

— Я не заставляю вас подписывать этот контракт. Вы можете отказаться. Но если мануфактура будет убыточной, мне придётся её закрыть или продать. А я не хочу этого. Я хочу, чтобы мы работали вместе, чтобы у вас были ваши рабочие места и возможность кормить свои семьи. От себя могу обещать одно — я не стану ущемлять ваших прав, не заставлю вас работать сверхурочно и сделаю всё, чтобы вы жили лучше, чем прежде.

Снова тишина. Но теперь она была иной — не враждебной, а задумчивой. Рабочие переглядывались, шептались, и в их глазах я читал сомнение, смешанное с надеждой.

И тогда вперёд вышел старший мастер.

Это был пожилой стеклодув с обожжёнными руками, которые, казалось, состояли из одних шрамов. Лицо его, покрытое сетью морщин и копоты, выражало спокойное, уверенное достоинство человека, который привык отвечать не только за себя, но и за других. Он подошёл ко мне — медленно, неспешно — и посмотрел прямо в глаза.

— Меня зовут Отто, — произнёс он хриплым голосом, сорванным годами работы у печи. — Я здесь тридцать два года. Ещё при старом хозяине начинал, до Демидовых. И я слышал много обещаний, господин Канцлер. Простите, но все они были пустыми.

— Я понимаю, — ответил я, выдерживая его взгляд. — Отто, — начал я и замолчал, подбирая слова. В горле вдруг пересохло. — Я не могу обещать вам золотые горы. Не могу обещать, что всё сразу станет хорошо. Но я могу обещать, что я не Демидов. Что я не буду воровать ваше жалованье, не буду штрафовать за то, в чём нет вашей вины, и не буду швырять вас на улицу, если заболит ваш ребёнок.

Я обвёл глазами мастеров и добавил тише:

— Я не аристократ, который пришёл сюда командовать. Я счетовод. Я привык считать. И вот что я вам скажу: выгоднее всего — когда все живы, здоровы и работают на совесть. Выгоднее платить за качество, чем терять деньги на браке и штрафах от заказчиков. Я это посчитал. Цифры не врут.

Старший мастер молчал. Его лицо, изборождённое шрамами от ожогов, было непроницаемо. Но я заметил, как дрогнули уголки его губ — то ли усмешка, то ли что-то иное.

— Вы говорите как человек, — медленно произнёс он. — Не как хозяин. А как человек. Это странно слышать от господина, но я прожил достаточно, чтобы понимать: странное не всегда плохое.

Он обернулся к остальным, обвёл взглядом притихших рабочих — от седых стеклодувов до безусых подмастерьев, — и сказал громко, так, чтобы слышали все:

— Я подпишу. С премией или без — всё лучше, чем жить в страхе перед каждым днём.

— Премия будет, — твёрдо сказал я. — Я это гарантирую. Не на словах — в контракте. Каждый месяц, если брака меньше двадцатой доли от выработки, каждый, кто в этом участвовал, получит дополнительную плату. Не «по решению начальства», а по цифрам. Цифры не обманут.

Кто-то ахнул. Женщина с покрытыми ожогами руками вскинула голову, и в её глазах блеснула влага. Подмастерье, стоявший у дальней печи, тихо, но отчётливо произнёс: «Двадцатая доля... это ж почти невозможно». Но старший мастер, Отто, уже не слушал ропота. Он шагнул к столу, взял перо — грубыми, обожжёнными пальцами, — и поставил свою подпись под текстом контракта.

Перо скрипнуло.

А потом за ним пошли остальные.

Один за другим, они подходили к столу — кто-то решительно, кто-то робко, кто-то всё ещё с сомнением в глазах, — но подписывали. И каждый раз, когда перо касалось пергамента, я чувствовал, как внутри что-то крепнет. Не магия контрактов — пока ещё нет. Что-то другое. Доверие? Ответственность?

Когда последний рабочий поставил подпись, я взял пергамент в руки. Он был тёплым от дыхания десятков людей и чуть влажным в тех местах, где чернила ещё не до конца высохли.

Я закрыл глаза и вложил свою волю в этот лист. Не приказ. Не порабощение. Обещание. Я связывал правила цеха с ощущениями работников, но оставлял им свободу — нарушать или нет, — и магия контракта откликалась на это с готовностью, какой я никогда раньше не чувствовал.

По цеху прошла серебристая волна.

Она была тихой, почти незаметной — как дуновение ветра, или отблеск луны на поверхности зеркала. Рабочие на мгновение замерли, и по их лицам пробежала рябь удивления: каждый почувствовал лёгкое, едва уловимое покалывание в кончиках пальцев. И всё. Никакого давления. Никакого контроля. Только ощущение, что воздух вокруг вдруг стал чуть чище, а дышать стало немного легче.

Отто посмотрел на свои руки, сжал и разжал пальцы, потом поднял глаза на меня. Впервые за всё время в его взгляде не было ни настороженности, ни сомнения. Только спокойная, тихая благодарность.

Дорога домой заняла больше времени, чем я планировал, — столичные улицы были забиты экипажами, а на подъезде к торговому кварталу какую-то телегу развернуло поперёк проезда, и Грегору пришлось пробираться в объезд через переулки. Но когда мы наконец въехали в ворота особняка Шумахера, я почувствовал странное, почти забытое ощущение. Облегчение. И ещё — предвкушение.

Потому что там, за этими стенами, меня ждала Лиза.

Когда я вошёл в гостиную, она сидела на диване всё с той же тетрадью в тёмно-бордовом переплёте, но на этот раз рядом с ней лежала не чашка чая, а несколько пучков сушёных трав, а образцов каких-то круп и маленький мешочек, из которого пахло пряностями. Рядом сидела Герта и что-то втолковывала ей вполголоса — судя по жестам, речь шла о том, как отличить хороший шафран от поддельного, потому что Герта то и дело совала Лизе под нос то один пучок, то другой.

Увидев меня, Лиза отложила травы и встала. Подошла — без спешки, но и без обычной своей робости, — и остановилась в шаге от меня.

— Как всё прошло? — спросила она, и я услышал в её голосе ту самую ноту, которая появлялась всегда, когда она волновалась за меня, но старалась этого не показывать.

— Подписали, — я устало улыбнулся. — Все. Отто — старший мастер — подписал первым.

— Отто? Ты знаешь имена твоих рабочих?

— Теперь знаю. Их сорок три человека, и я запомнил каждого. Седой стеклодув с дочерью, которая работает шлифовальщицей. Три брата из одной семьи, все подмастерья. Женщина по имени Бригитта, у которой муж погиб в шахте, и она одна кормит троих детей. Я обещал им премию, если брака станет меньше. И знаешь... — я помолчал, — кажется, они поверили мне. По-настоящему.

— Я знала, — Лиза улыбнулась. — Я всегда знала, что ты справишься.

— А что у тебя? — я кивнул на травы, крупы и мешочек с пряностями. — Ты теперь ещё и травница?

— Почти! — Герта поднялась с дивана и отряхнула передник. — Я учу её разбираться в рынке. Сегодня утром мы были на Мучном торгу у восточных ворот. Лиза, расскажи ему, чему ты научилась.

Лиза взяла со стола один из пучков — сушёный базилик, — поднесла к лицу, вдохнула и уверенно произнесла:

— Этот базилик — из южных провинций. Торговка говорила, что он «отборный», но на самом деле он прошлогодний — видишь, листья по краям пожелтели? Это значит, что она либо хранила его неправильно, либо пытается сбыть залежалый товар. Хороший базилик — ярко-зелёный, и запах у него сладковатый, а не горький.

— И сколько должен стоить такой пучок? — спросил я с интересом.

— Три медяка, не больше. А она просила десять, — Лиза усмехнулась. — Герта заставила меня поторговаться. Я сбила до пяти.

— До четырёх, — поправила Герта. — Ты сбила до четырёх, я считала. Просто торговка в последний момент подсунула тебе другой пучок, похуже, и ты его вернула. Я решила не вмешиваться, чтобы ты сама заметила. И ты заметила!

— Это была проверка? — Лиза обернулась к ней с напускным возмущением, но глаза её смеялись.

— Жизнь — это сплошная проверка, девочка, — наставительно произнесла Герта. — Особенно для той, кто хочет стать женой аристократа и основательницы нового рода. Никто не будет давать тебе поблажек, так что привыкай.

Она кивнула мне и вышла из гостиной, оставив нас вдвоём.

Я сел на диван, чувствуя, как усталость наваливается свинцовой тяжестью — но приятно, как после хорошо сделанной работы. Лиза присела рядом и взяла меня за руку.

— Ты сегодня изменил что-то, — сказала она негромко. — Я вижу это по твоему лицу. Не просто контракт — что-то большее.

— Я дал им обещание, — ответил я, глядя в огонь камина. — Не приказ. Не угрозу. Обещание. И магия контракта... она откликнулась. Так, как никогда раньше. Как будто я впервые использовал её по-настоящему.

— Потому что обещание — это и есть контракт, — тихо произнесла Лиза.

Я повернулся к ней и посмотрел в её прекрасные глаза. В них не было страха. Там была лишь гордость. И что-то ещё, более глубокое и тёплое.

— Ты права, — сказал я.

Вечером того же дня мы сидели в кабинете Шумахера втроём — я, Хаген и сам хозяин дома. За окнами уже сгустилась темнота, и только магический светильник на столе разливал ровное, чуть голубоватое сияние. Пахло трубкой, портвейном и — теперь уже привычно — старой бумагой.

Шумахер, зажав трубку в зубах, раскрыл новый гроссбух — тот самый, который он завёл специально для учёта дел, связанных со стекольной мануфактурой. На первой странице уже красовалось несколько записей, сделанных его убористым купеческим почерком, и теперь он выводил новую строку. Перо чуть скрипело, и этот звук в тишине кабинета казался почти торжественным.

— «Контракт эффективности активирован», — прочитал он вслух написанное, — «Ждём результатов». — Он отложил перо, затянулся трубкой и выпустил клуб дыма, который медленно поплыл к потолку. — Ну что ж, начало положено. Если честно, Эмиль, я до сих пор не до конца верю, что это сработало.

— Пока не сработало, — поправил я. — Мы увидим результат через две недели, когда придёт инспектор из Гильдии. И через месяц — когда Шумахер сведёт баланс и мы увидим, уменьшился ли брак.

— Брак уменьшится, — уверенно произнёс Хаген, отпивая из бокала портвейн. — Я видел лица твоих рабочих, когда они подписывали бумаги. Это не страх, Эмиль. Это надежда. А надежда творит чудеса, мой мальчик.

Он сделал ещё глоток и добавил — уже тише, с той особой интонацией, которая означала, что сейчас прозвучит что-то очень важное:

— Но теперь ты под колпаком. Как только контракт начнёт работать и слухи о нём разойдутся по городу — а они разойдутся, можешь не сомневаться, — конкуренты об этом узнают. Твои стекольщики будут давать лучшее стекло в столице. И те, кто сейчас сидит на рынке, воспримут это как объявление войны.

Шумахер молча кивнул, соглашаясь. Трубка в его зубах чуть дёрнулась.

— Уважаемый Хаген прав, — сказал он, вынимая мундштук изо рта. — У тебя есть преимущество, которого нет ни у кого. Магия контрактов, вплетённая в производство. Это как если бы кузнец получил молот, который сам бьёт ровно и не устаёт. Конкуренты будут в ярости. И страх, который они испытывают перед тобой... он может перерасти во что-то более активное. Саботаж, подкуп, магическая диверсия. Ты должен быть готов ко всему.

— Я готов, — ответил я, и сам удивился тому, насколько спокойно прозвучал мой голос. — У меня есть союзники. И есть вы.

Хаген поднял бокал и посмотрел на меня поверх очков.

— Хороший юрист не тот, кто выигрывает дела, Эмиль. Хороший юрист тот, кто так составляет контракты, что иски не возникают вовсе. Ты составил хороший контракт. Осталось только проследить, чтобы жизнь не внесла в него свои поправки.

Глава 6: Отчёт и перспективы

Столица встретила десятое утро нашего предприятия мерзкой, пробирающей до костей моросью. Я сидел в своей комнате, когда в дверь постучали — не привычно-размеренно, как стучал Грегор, а дробно и нетерпеливо, словно курьеру не терпелось поскорее вручить пакет и получить чаевые.

Так и оказалось. Пакет был плотный, перевязанный бечёвкой, с сургучной печатью управляющего стекольной мануфактурой — господина Беккера, дотошного службиста, которого Шумахер отреккомендовал лично. Внутри лежал первый подробный отчёт за десять дней действия контракта.

Я пробежал его глазами прямо у двери. Сел в кресло и перечитал ещё раз, вглядываясь в каждую цифру. Затем — в третий. После этого понял, что завтракать буду не один.

Через полчаса мы сидели в кабинете Шумахера. Хозяин восседал в массивном кресле, попыхивая своей неизменной трубкой и шурясь на разложенные листы. Хаген устроился у окна с чашкой крепкого чая — по утрам он предпочитал чай, оставляя портвейн для вечерних размышлений. Я стоял у камина с отчётом в руках, чувствуя, как в груди разливается давно забытое тепло удовлетворения от хорошо сделанной работы.

— Итак, господа, — начал я, раскладывая листы веером, как карты. — Давайте пройдемся по цифрам. Они того стоят.

Шумахер выжидающе подался вперёд.

— Первое: производственный брак. До контракта он держался на стабильных двенадцати процентах. Все считали это нормой. Теперь, — я выдержал паузу, — семь процентов. Упал почти вдвое.

Шумахер присвистнул, вынув трубку изо рта.

— Семь? Это уровень ювелирных мастерских, Эмиль. Ни одна крупная мануфактура в Империи не даёт меньше десяти.

— Это ещё не всё. Общая производительность выросла на двадцать один процент. Рабочие тратят меньше времени на исправление ошибок — контракт предупреждает их до того, как ошибка становится фатальной. Стеклодув чувствует падение температуры сразу, а не когда стекло уже помутнело. Лёгкое покалывание в пальцах — и он знает: пора проверять печь.

Хаген отставил чашку. В его выпуклых, но всё ещё цепких глазах мелькнуло что-то похожее на профессиональную гордость — гордость юриста, увидевшего, как правильно составленный документ меняет реальность.

— Третье: мелкие травмы. Порезы, ожоги, ушибы — то, что стеклодувы считали неизбежным злом профессии. Снизилась на шестьдесят процентов. Контракт предупреждает об опасности за мгновение до неё. Человек отдёргивает руку, услышав звон в ушах — тот самый сигнал из седьмого подпункта.

— То есть за десять дней ни один рабочий не получил серьёзной травмы? — переспросил Шумахер.

— Ни один.

— Но это же невозможно!

— Возможно, — я позволил себе лёгкую улыбку. — Потому что четвёртое: расход поташа и песка стал экономичнее на пятнадцать процентов. Перерасход из-за ошибок в пропорциях почти исчез. Контракт напоминает о них до нарушения. Люди просто перестали ошибаться.

В кабинете повисла тишина. Только дрова потрескивали в камине да тикали напольные часы в углу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.